

СТАНИСЛАВ РЕМ

ПРОПАВШАЯ ЭКСПЕДИЦИЯ

**СИБИРСКИЙ
ПРИКЛЮЧЕНЧЕСКИЙ
РОМАН**

Сибирский приключенческий роман

Станислав Рем

Пропавшая экспедиция

«ВЕЧЕ»

2014

Рем С.

Пропавшая экспедиция / С. Рем — «ВЕЧЕ», 2014 — (Сибирский приключенческий роман)

ISBN 978-5-4444-7308-5

Два случайно познакомившихся человека неожиданно узнают, что их отцы пропали без вести в составе геолого-разведывательной экспедиции 1969 года в Забайкалье. Причина пропажи экспедиции в те годы не была установлена. Дети пропавших геологов решают предпринять попытку найти останки экспедиции спустя сорок лет. Но вскоре после начала поисков новые знакомые и их друзья сталкиваются с некой группой лиц, которые всеми способами, вплоть до убийства, пытаются помешать раскрытию тайны. Одновременно выясняется, что истинной целью экспедиции было выяснение причин появления в двух районах Амурской области брошенных, тщательно обработанных гранитных блоков — остатков неких пирамидальных объектов, схожих с пирамидами Египта, Боливии, Китая...

ISBN 978-5-4444-7308-5

© Рем С., 2014

© ВЕЧЕ, 2014

Содержание

Часть первая	6
Часть вторая	53
Конец ознакомительного фрагмента.	57

Станислав Рем

Пропавшая экспедиция

Художник Макс Олин

© Рем С., 2014

© ООО «Издательство „Вече“», 2014

© ООО «Издательский дом „Вече“», 2014

© ООО «Издательство „Вече“», электронная версия, 2014

Сайт издательства www.veche.ru

Светлой памяти Мишки

«Когда человек встречается с чем-то новым, то прежде всего человек решает, что этого быть не может».

Конрад Лоренц

Часть первая

Благовещенск

Население Земли к 2050 году может превысить 9 миллиардов, что приведет к самым неприятным последствиям. Мир изменится до неузнаваемости, а люди вынуждены будут сражаться за пищу.

Перенаселение почти в четыре раза и окончательное обнищание, по мнению специалистов, грозит бедным странам Африки и Южной Азии. Богатые государства, наоборот, увеличат свои доходы, что неминуемо приведет к росту appetitов. Человечеству в ближайшие 40 лет потребуется столько пищи, сколько было произведено за предыдущие 8 тысяч лет. Но природные ресурсы взаимосвязаны. К примеру, чтобы произвести 500 граммов мяса, требуется примерно 3,5 килограмма зерна. Такая система потребления является расточительной, и специалисты AAAS – Американской ассоциации содействия развитию науки – предлагают немедленно начать финансирование программ, направленных на планирование семьи.

Причем ещё летом прошлого года в другом докладе – Лондонского зоологического общества и экологической организации Global Footprint Network, отмечалось, что в последнее время люди стали тратить в два раза больше ресурсов, чем за последние 50 лет. Таким образом, потенциал планеты может быть исчерпан к 2030 году. Если человечество в ближайшие годы не изменит образ жизни...

УТРО. ru,

по материалам конференции AAAS.

* * *

Как Дмитриев понял из пояснений подслеповатой вахтёрши, расположившейся в стеклянном кубе у центрального входа в университет, необходимая ему кафедра филологии располагалась на втором этаже. Оставалось всего ничего: преодолеть длинный коридор, подняться по лестнице, повернуть налево и, постучав в дверь, встретиться с тем человеком, который, по расчетам Михаила, мог дать ответ на волнующий вопрос. Всего несколько сотен шагов. Но каких трудных!..

Михаил, не дойдя до лестницы с первой попытки, задержался в коридоре, у окна, устало смотревшего на улицу имени товарища Ленина. Лето за окном буйствовало. Нагло и самоуверенно. Воздух пропитался солнцем, а потому сушил горло и носоглотку. По уличному асфальту, подчиняясь даже самому лёгкому дуновению ветерка, вяло перетекала тополиная пуховая масса, озорно поджидая прохожего, который движением ног поднимет её в воздух. Вот уж тогда она наиграется с ним вдоволь – и с носом, и с глазами! Под окном стояла «тойота» с правым рулем, пух в предчувствии игры подвалил к её колесам.

Мишка нервно перевёл дыхание. Смелость и решимость, которыми он был переполнен буквально десять минут назад, вмиг испарились. Ноги стали непослушными, ватными. Губы пересохли. В горле запершило, будто только глотнул того самого противного тополиного пуха. И, самое главное, цель, с которой он так стремился в педагогический университет, неожиданно показалась не столь уж необходимой. Мишке вдруг подумалось, что он вообще напрасно приплёлся в данное заведение. Со своим глупым вопросом. На который наверняка никто не даст ответа.

Михаил потёр широкой ладонью лоб. Мысли снова принялись спорить в голове:

– «Зачем я сюда притащился? Для чего? Узнать истину? Какая может быть истина сорок лет спустя? – Горькая усмешка обветрила губы: ни дать ни взять, Дюма-отец: – Предположим, узнаю. Дальше что? Отца всё равно не вернуть. Оттуда не возвращаются. И с какого рожна, – мысленно выругался Дмитриев, – решил, будто то стихотворение – отцовское? Да, мама до сих пор хранит тетрадь, в которой есть именно это восьмистишие, написанное его рукой. И что с того? Мало ли чьим оно может оказаться... Понравилось – переписал. В то время вся страна поголовно увлекались поэзией: Рождественский, Евтушенко, Ахмадулина, Вознесенский, Пастернак...»

– «Нет, – спорила вторая мысль, – Однако, вспомни, как говорила мама, отец посвятил те строки ей. Лично! А посвятить можно только своё, собственное».

– «И что? – возмутилась первая мысль. – Списал у кого-нибудь, хотел понравиться, выдал за своё – и все дела».

– «Вряд ли, – вторая ворчливо выдвинула контраргумент, – у нас в доме никогда не было ни одного сборника стихов, кроме как по школьной программе. Ни мама, ни отец стихами не увлекались. Это во-первых. Во-вторых, мама говорила, стихотворение отец написал за несколько месяцев до отъезда. То есть до гибели. Так что присваивать себе чужое не имело смысла. Да и в „Амуре“ вряд ли бы напечатали под чужим именем ворованное произведение. Журнал-то делают знатоки...»

Михаил потянулся было к карману, но тут же тихо выругался: надо же было забыть купить курево. И именно в такой момент!

«А при чём здесь сигареты? – тут же проснулась новая мысль. – Ты трус, Мишка. Боишься сделать два десятка шагов вверх по лестнице. И спросить. Только и всего: подняться и спросить. Но за твоим вопросом будет ответ. А вот его-то ты и боишься. Боишься услышать, что тебе скажут там, на кафедре. Подтвердят или наоборот? А что может быть „наоборот“? Хуже-то всё одно не станет. А если станет, то кому? Мне? Матери? Господи, – рука с лёгким стуком легла на деревянный подоконник, – и на кой чёрт они опубликовали это стихотворение?! Так всё было просто, тихо, спокойно... Нет же...»

Вахтёрша безмолвным призраком близоруко уставилась на молодого, по её мнению, человека. Что и подстегнуло Михаила к действию. Он решительно развернулся, размашистым шагом направился к лестнице. Нервно прикушена губа. Рука подрагивает. Как мальчишка, в самом деле.

Дверь, ведущая в «альма-матер» амурской филологии, оказалась деревянной, ещё советских времён, и, по непонятной причине, выкрашенной в бледно-голубой цвет. Впрочем, как и все соседние двери. Мишке, когда он увидел их, отчего-то вспомнился знаменитый лозунг незабвенного Леонида Ильича Брежнева: «Экономика должна быть экономной!» Как будто экономика может быть иной!

Дмитриев огляделся. Да, и коридорчик, объединяющий кафедры с деканатом в одно заведение, представлял собой классический советский реализм. Стена разделена на две части: нижняя покрашена,верху побелка. Под потолком – некогда популярные матовые плафоны, внутри которых наверняка лампочки Ильича. По центру, между дверями, нашло себе место расписание занятий в виде привинченной лакированной доски, оснащенной стеклянными ячейками. Никакой современной офисности.

Михаил усмехнулся: и чего пристал к людям? А может, им так нравится? Почему должно быть так, как у всех? Модерн, стекло, пластик... Скоро от такой урбанизации некуда будет деться. Всё по струночке и под расчет. Хаяли «совок», а к чему пришли? Да к тому же. В какой город ни приедешь, одинаковые «бутики», «шопы» и близнецы – кабинеты чинуш. И те сами – разодетые в одинаковые костюмы, с идентичными причёсками и в стандартных дорогих авто. Капсовок! Тут, по крайней мере, более отдаёт академичностью и наукой.

Михаил сделал три глубоких вдоха, задержал дыхание, поднял руку и с силой постучал в дверь.

* * *

Александр Васильевич Урманский, заведующий кафедрой, с сожалением оторвал взгляд от документов, лежащих перед ним на столе. Стук повторился. Профессор стянул с переносицы очки в тонкой, с позолотой, оправе, бросил тоскливый взгляд в окно: если стучат и не входят, значит, кто-то из родителей нерадивых студентов. Пришли вымаливать зачёт или экзамен. Господи, каждый год одно и то же!

– Входите.

Дверь приоткрылась. В образовавшемся проёме появилась плотная, крепкая фигура мужчины, лет пятидесяти, в серой сорочке в полоску, которая тщетно пыталась спрятать от любопытных взоров довольно солидное брюшко. В левой руке мужчина держал простой полиэтиленовый пакет. Взгляд Урманского поднялся от рубашки и джинсов выше. Тщательно выбритое лицо. Тонкие губы. Нос с горбинкой – видимо, некогда перебит в драке. Или в спорте? Усталый взгляд. Мешки под глазами. Пьёт, что ли? Редкие волосёнки на голове, едва прикрывающие глубокие залысины.

– Добрый день! – несколько невнятно, будто в нос, проговорил незнакомец.

Урманский привстал.

– Добрый. Прошу, – рука заведующего указала на стул. – По какому поводу и с кем имею честь?

Незнакомец слегка качнул головой, как бы в знак благодарности, однако садиться не стал.

– Меня зовут Михаил Юрьевич, – негромко произнёс гость, после чего замолчал.

– И? – Урманский с некоторой долей раздражения смотрел на просителя.

Началось. Приходят. Прячут взгляд. Топчутся на месте. Пытаются сформулировать свои и так всем понятные мысли.

Мужчина приподнял голову и неожиданно стрельнул в Александра Васильевича острым, цепким взглядом. Урманский насторожился. Нет, кажется, сей субъект пришёл по иному поводу.

А Михаил Юрьевич тем временем сунул руку в пакет и извлёк из него последний номер литературного альманаха «Амур». Урманский сразу узнал своё детище: как-никак семь лет был его бессменным редактором.

– Это... – мужчина аккуратно положил журнал на стол. – Ваше?

– Да. – Урманский настороженно посмотрел на гостя.

Что ещё? Только недавно затух костёр, разожжённый доморощенными критиками по поводу юмористической поэмы одного студента, в которой главный герой носил имя незабвенного Василия Тёркина и которую Александр Васильевич рискнул опубликовать. Скандал вышел за стены университета. Дважды ректор вызывал по данному поводу на ковёр. Где он отстаивал свою точку зрения, что на личные имена нет авторских прав. В доказательство, помнится, предъявил телефонный справочник, в котором оказалось семь абонентов под фамилиями Тёркин, два из которых были Василиями. Что и переломило ситуацию в его пользу. Неужели ещё один запоздалый радетель творчества Твардовского? Странно, молчит. А может, по иному поводу? Или это такое оригинальное начало к главной теме? Мол, я поклонник вашего журнала. Имею финансы. Могу помочь. Оставьте моего отпрыска...

Урманский тяжело вздохнул и нескрываясь тяжёлым взглядом окинул посетителя: и долго тот собирается молчать? Мужчина понял, ещё секунда – и его выпрут из заведения. А потому, положив пакет на стул, взял со стола журнал и быстро пролистал издание.

– Вот. – Найдя нужную страницу, он протянул альманах Урманскому. – Меня интересует, – указательный палец гостя ткнул в печатный текст, – это стихотворение. Вы знаете автора?

Александр Васильевич принял из рук гостя журнал, быстро просмотрел страницу.

– В библиотеке взяли? – Александр Васильевич первым делом заметил штамп внизу страницы. – И что неясно? – Урманский с удивлением посмотрел на гостя. – Тут же чётко, чёрным по белому, написано: автором данного творения является Виктория Рыбакова, шестьдесят девятого года рождения, выпускница нашего университета девяносто четвёртого года. Учитель начальных классов одной из средних школ города Благовещенска...

– Здесь не указано, какой школы, – быстро вставил реплику незнакомец.

– И что из того? – Урманский ещё более насторожился. – Не указали, потому как автор так пожелал.

– А вы точно уверены, что это стихотворение написала именно она? – настойчиво, не отвечая на поставленный вопрос, проговорил посетитель.

– Естественно. Иначе зачем бы она его нам присылала?

– И его авторство не может принадлежать никому иному?

– Ахматовой и Блоку точно не принадлежит. В чём, собственно, дело?

– Да так... – Мужчина протянул руку, прося вернуть журнал. – Личное. Ничего особенного. Простите, вы бы не могли мне дать номер школы, в которой работает выпускница?

– Для чего?

Подобного оборота профессор никак не ожидал. Александр Васильевич внимательнее присмотрелся к мужчине: пойдя разбери, с какими целями тому понадобилась Вика? Рыбакову Урманский знал хорошо. Помнил как студентку, у которой преподавал два первых курса. А потому давать кому попало её данные не собирался.

– Мне нужно с ней встретиться. Пообщаться. – Мужчина потряс журналом. – Вот об этом.

– К сожалению, ничем не могу помочь, – решил sluкавить профессор. – Мы не располагаем подобного рода информацией. Обратитесь в городской отдел образования.

– Был. Отдел кадров закрыт. В отпуске. Вот рассчитывал на вас.

Мужчина принялся нервно крутить в руках журнал, то сворачивая его в трубочку, то разворачивая. Такое поведение гостя несколько смутило Урманского. Логика подсказывала: мужчина пришёл неслучайно. И Виктория ему действительно очень нужна. Любопытство начало брать верх.

– Может, всё-таки присядете? – Урманский вторично сделал приглашающий жест рукой. – Михаил Юрьевич, вы меня только что поставили в неловкое положение. Кстати, как ваша фамилия?

– Дмитриев.

– Слава богу. А то я уж было подумал, тень гения решила посетить наши пенаты...

Посетитель не улыбнулся шутке. А потому Урманский тут же переключился на деловой тон:

– Простите. Точнее, простите за то, что я вас обманул. Я могу дать номер школы. Более того. Я могу позвонить и узнать, на месте ли сейчас Виктория. Но при условии: вы расскажите причину, по которой пришли ко мне. Поймите, раздавать информацию незнакомцам в наше время...

– Да, да... – Дмитриев залез во внутренний карман рубашки. – Вот. Паспорт. Моя визитка. Я занимаюсь всем, что связано с электроникой. В основном компьютеры...

– Это несколько меняет дело, – слегка успокоился Урманский, покрутив в пальцах кусочек глянцевого картона. – Продаёте?

– И это тоже. Но в основном настройка, интернет, связь и всё такое. В своё время окончил Высшее инженерное училище во Владивостоке, по специальности «радиосвязь». Вот так и

тружусь. Но это к слову. Теперь по поводу моего визита и вашего журнала. – Михаил Юрьевич перевёл дыхание. – Дело в том, что первой ваш альманах увидела моя мама. Если бы не она, я бы к вам не пришёл. Но она... Сами понимаете, человек в возрасте. Отказать нельзя. Хотя, честно говоря, я и сейчас сомневаюсь в смысле моего прихода.

– Что-то ничего не пойму. При чём здесь ваша мама? Ваша мама первой увидела альманах и... И что она в нём нашла? То стихотворение, я правильно понял? И что? Чем её заинтересовало стихотворение Виктории Рыбаковой?

Дмитриев собрался с духом и выпалил:

– Тем, что это стихотворение было написано за год до рождения его автора. В шестьдесят восьмом году. Моим отцом. Пропавшим без вести.

* * *

– Он на кафедре. Общается с Урманским.

– Учительница?

– В школе.

– Ждите. Скоро поедет к ней. Интересно, кого он задействует для прокачки информации? Ладно, посмотрим. Готовьте людей в Зея¹.

– А может, не стоит торопиться? Думаете, не обойдётся?

– Уверен! Пусть подготовят площадки.

– Будет сделано.

– И подойдите к делу ответственно. Не как с альманахом.

– Мы сделали всё возможное. Перекупили весь тираж. Не допустили его выхода через сеть «Роспечати». Кто мог подумать, что мамаша пойдёт в библиотеку и там наткнётся на этот журнал?

– Не в мамаше дело! Надо было следить за Савицким!

– Простите, но я с вами не соглашусь. Наблюдение было организовано на высоком уровне. Сорок лет без сбоев. Больно хитер оказался старичок. Обвёл нас вокруг пальца.

– Не досмотрели – значит, совсем не «высокий уровень».

– Вторично прошу прощения, но, если бы Савицкого в шестьдесят восьмом не вывезли с объекта, сегодня одной проблемой было бы меньше.

– Перестаньте дискутировать!

– Только констатация факта.

– В шестьдесят восьмом, как вы должны помнить, решения принимал не я. И не нам оспаривать минувшее. А потому прекратите спорить! Где старик сейчас?

– На даче.

– Глаз с него не спускать!

– А может, провести акцию, пока не поздно? Подстраховаться? Старик, сами видите, хитёр. Наверняка станет искать возможности уйти от нас. А так...

– Выполняйте то, что вам сказали! И никакой самостоятельности! Ясно?

* * *

Виктория Рыбакова, по внешнему виду, как представлял Дмитриев «училок младших классов», вовсе на таковую не походила. И очки с толстыми линзами на носу отсутствовали. И волосы на голове не были скручены в тугую жгут... Причёска «училки» оказалась вполне

¹ Зея – город, районный центр в Амурской области.

современной: каре. К тому же, как с удовольствием отметил Михаил, Виктория оказалась высокой, с привлекательным бюстом фигуристой особой, чем-то напоминающей древнегреческие статуи богинь.

Вика, в свою очередь, из-под тёмно-русой чёлки, которая тщетно пыталась прикрыть высокий, без единой морщинки, лоб, на Дмитриева смотрела не столь оценивающе. Весёлый, стреляющий взгляд вскользь окатил его с ног до головы, и на лице молодой женщины заиграла светлая, какая-то детская улыбка. Весь вид «училки» говорил о том, что она готова внимательно выслушать «Карлсона», как она мысленно окрестила незнакомца.

«Дай бог, чтобы все учителя были такими оптимистами, при их-то зарплате», – мысленно пробормотал Михаил Юрьевич и тут же перешёл к делу:

– Это из-за меня вам звонил Александр Васильевич. Точнее, по моей просьбе.

Виктория присела на край парты: разговор происходил в её классе.

– Давно не общалась с Васильевичем. Признаться, удивилась, когда услышала его голос. Только не поняла, о чём идёт речь? О каком стихотворении он говорил?

– Вот об этом. – Михаил во второй раз за день извлёк из полиэтиленового пакета альманах «Амур», взятый в областной библиотеке сроком на десять дней. – Вы прислали стихотворение Урманскому. Он его опубликовал на страницах университетского издания...

– Покажите. – Вика быстро перехватила издание, пролистала. Подняла тёмные, как показалось Михаилу, вишнёвого цвета глаза на собеседника. – Действительно, напечатано под моим именем. Но я ничего никому не посылала. И это, – журнал дрогнул в тонких пальцах девушки, – я не писала.

Дмитриев растерянно уставился на учительницу:

– То есть?

– Так и есть. Ничего и никуда я не высылала. Хотя стихотворение мне знакомо. – Девушка захлопнула альманах. – Ошибка! Повторяю: никому и никуда, в том числе и в «Амур», я ничего не посылала. Тем более, чужие стихи, да ещё под своим именем. У меня есть свои, как говорят славяне, допотопные вирши. Собственные. Чужое мне не нужно.

– Стоп! – Михаил бросил пакет на парту. – Вы не посылали, но знаете автора этих строк?

– Нет, не знаю.

– Опять ничего не пойму. Вы же сами только что сказали, будто вам знакомы эти стихи!

– Ну да. – Виктория ещё раз окинула взглядом обложку журнала. – У меня есть это стихотворение. И я его не отсылала. И понятия не имею, кто его автор! Что непонятного?

– Всё непонятно. Ерунда какая-то получается. – Дмитриев еле сдерживался. Трудно общаться с красивыми женщинами, которые знают себе цену. – У вас есть этот стих, но автора вы не знаете.

– Точно! – спокойно отозвалась Вика. Господи, до какой степени эти мужики, иногда, могут быть бестолковыми.... – Он, то есть, как вы выразились, стих, записан в песеннике. Простом, девичьем песеннике. В тетрадке. Понимаете? В клеточку. Когда-то, давным-давно, во времена моего детства, были популярны такие тетрадки – песенники. В них ещё приклеивали вырезанные картинки из открыток. Для красоты. И по ним песни пели. Садись по вечерам и пели...

– Я не идиот и прекрасно знаю, что такое песенник, – «И не так уж красива, эта училка». – И тетрадь с этим стихотворением у вас?

– Была. И не у меня. У тётки. С тёткой желаете познакомиться?

– Нет. – Мишка хотел добавить ещё пару слов, но поперхнулся и растерянно посмотрел на обладательницу потрясающих вишнёвых глаз.

– Успокоились? Замечательно. – Виктория аккуратно положила альманах на стол. – А теперь более подробно. Тётке моей, Галке, в тетрадь эти строки написал мой папа. Но он их тоже не сочинял.

– Ваш отец?

– А вы что, сомневаетесь, что у меня может быть папа?

– Да нет. А я могу поговорить с вашим отцом?

Девушка мягко улыбнулась и отрицательно покачала головой.

– Он погиб.

– Простите. Жаль. – Мишка растерялся: «Чёрт, действительно, как-то нелепо складывается разговор».

– Да не стоит просить прощения. Это было давно. К тому же вы не могли про это знать.

– А с мамой? Можно пообщаться с ней? Может, она что-нибудь знает про автора этих строк?

– Вряд ли. – Виктория вторично отрицательно качнула головой. – Сомневаюсь. Она много читает. Но я ни разу не видела в её руках поэтического сборника. А что, для вас это стихотворение имеет большое значение? Или вы мне не верите? А может, это ваше? Точно! – указательный пальчик девушки замаячил перед Мишкиным лицом. – Так в чём проблема? Хотите, сделаю официальное заявление, что это не моё, если все так принципиально.

– Нет, не нужно, – отмахнулся Дмитриев. – Для меня нет разницы, под чьим именем оно напечатано. – Пальцы Михаила пробежались по лицу. – Только странно всё это. Эти строки написал мой отец. Он тоже погиб. Сорок лет назад. Точнее, пропал без вести. От него ничего не осталось. Искали, но так и не смогли найти. Столько лет прошло. И забываться начало. А тут... Как гром среди ясного неба: это чёртово стихотворение в «Амуре». У мамы едва сердечный приступ не случился. Сами понимаете – такое... Даже мне стало не по себе.

Девушка, вздрогнув всем телом, качнулась в сторону. Маленькие ручки с силой вцепились в край стола.

Дмитриев кинулся к учительнице:

– Вам плохо?

– Нет. – Вишнёвые глаза в упор смотрели на Михаила. – Когда погиб ваш отец?

– В шестьдесят девятом. Летом.

– Мой отец тоже в шестьдесят девятом. В экспедиции. На Гиллое.

* * *

– Ерунда какая-то...

Дмитриев развернулся всем телом к Виктории. Они ехали в такси в университет, к Урманскому. Вику даже уговаривать не пришлось. Теперь, по дороге в учебное заведение, Михаил хоть как-то пытался проанализировать полученную информацию:

– Получается, стихотворение есть у меня, у вас и, как минимум, у ещё одного человека. И этот человек знает о вашем, Вика, существовании. Одного только наш незнакомец не знал: где вы работаете. Странно. Уж про место работы узнать было проще всего.

– Может, не захотел появляться в отделе образования? – сделала вскользь предположение девушка: все её мысли крутились вокруг того, стоит говорить маме об этой встрече или нет? Снова ворошить старые раны...

Дмитриев быстро прикусил губу: верный признак нервозности:

– Интересно другое: почему Урманскому прислали стихи именно под вашим именем? У вас по этому поводу нет каких-нибудь соображений?

Девушка рассеянно пожала плечами:

– Нет.

– Жалко. – Выдохнул Мишка и спустя минуту неожиданно поинтересовался: – А вы замужем?

– Нет.

– Понятно. А молодой человек имеется? Вам оказывают знаки внимания?

– А вам не кажется, что вы себе слишком много позволяете? – вспыхнула Виктория, сложив руки перед грудью.

Михаил смутился. Вот же нарвался. Ни дать ни взять – слон в посудной лавке.

– Простите, – выдавил он первое, что пришло на ум, и тут же мысленно выругался: «А, собственно, какого чёрта? Я же не в ухажёры к ней напрашиваюсь!» – И перестаньте дуться. Я просто выдвигал гипотезы. Вдруг кто-то из приятелей решил так вас поздравить. Ну, или пошутить.

– Вот и выдвигайте свои гипотезы в свой адрес. – Девушка отвернулась в сторону окна и больше не произнесла ни слова.

Мишка хотел было ответить, но тоже со злостью отвернулся: тоже мне, нашлась принцесса Виктория слегка скосила взгляд в сторону собеседника, улыбнулась: ну вот, хоть пять минут можно будет спокойно обдумать, как себя вести дальше.

* * *

«Найдено нечто, напоминающее Атлантиду. Город на дне океана, возможно, находится в тысяче километров от северо-западного побережья Африки»...

«Утро России», 15.02.2011.

* * *

Урманский с силой потёр лоб. Да, весёлый выдался денёк, ничего не скажешь.

– Любопытно... – задумчиво проговорил Александр Васильевич. – Очень даже. Других слов и не подобрать. Выходит, оба ваших отца были в одной экспедиции? И оба погибли?

– Пропали без вести, – вставил реплику Дмитриев. – Я в восьмидесятых пытался собрать информацию, но... – Михаил развёл руками. – Единственно, смог выяснить: экспедиция носила разведывательный характер.

– Ископаемые?

– Да. Поиски новых месторождений. Папиной группе было поручено собрать первичную, общую информацию по местности. И ещё: расчёт шёл на то, что группа должна вернуться к первым серьёзным заморозкам, к середине октября. Ушла группа в конце июня. В двадцатых числах. Последние сообщения поступили в двадцатых числах августа. Потом – тишина. Ни звука. Две недели в Благовещенске и Зее ждали. После выслали на поиск милицию и солдат из местной воинской части. Прочесали всё. Никого не нашли.

– Уверены, что всё прочесали?

– Так мне сказали. – Михаил принялся сворачивать пакет: не знал, что делать с руками. Дрожали, и всё тут. – Перепроверить, естественно, я не мог. Я даже их точного маршрута не знаю. В деле имела карта, но... Кто знает, насколько она соответствовала истине. Экспедиция-то была «в свободном плавании».

– Это вам так в милиции сказали?

– А где же ещё?

– Не туда обращались. – Урманский встал, прошёл к маленькому столику, на котором разместились электрический чайник с заварником и коробка с печеньем, и принялся готовить чай. – Следователей скорее всего вряд ли интересовал маршрут группы, они занимались только поиском людей. Почему к нам не пришли? На геофак? Вот где, думаю, вам бы дали исчерпывающую информацию. – Заметив удивлённый взгляд Дмитриева, Александр Васильевич пояснил: – Дело в том, что мимо него не проходит ни одна исследовательская экспедиция в области.

Часто факультет и сам является организатором или участником подобного рода мероприятий. А уж выступать в качестве эксперта ему сам Бог велел.

– Чёрт! – Дмитриев расстроенно хлопнул ладонью по столешнице урмановского стола. – Так просто. А в милиции мне голову морочили...

– Ну, поверьте, не всё так просто... – Александр Васильевич протянул чашку с горячим напитком Вике. – Это я предположил, будто на факультете должны быть материалы. А есть они или нет – кто ж его знает. Угощайтесь печеньем. Ну, что, студентка, – на этот раз вопрос коснулся Виктории, – сколько лет я тебя не видел? Пять?

– Семь. – Вика подула в чашку, сделала маленький, пробный глоток. – На конференции.

– Точно. Могла бы и почаще заходить. Живёшь-то рядом.

Урманский протянул чашку Дмитриеву. Тот отрицательно мотнул головой:

– Александр Васильевич, а мы можем сейчас пройти на этот ваш геофак?

– Не терпится?

– Если честно, да.

– Не вижу проблем. Только дайте нашей красавице чай допить. Да и я кое-что припомнил. – Александр Васильевич присел напротив Виктории. – Странное то было письмо, которое Вика, ты мне, якобы, прислала. – Тонкие, длинные пальцы профессора принялись задумчиво гладить полировку стола. – В наш век удобного электронного сообщения некто не поленился распечатать текст на принтере, сходить в киоск и купить конверт, заклеить его и отнести на почту. Я тогда еще подумал: зачем топать два квартала до почтового ящика, когда достаточно нажать кнопку на клавиатуре? Или, если не работает интернет, всего лишь перейти через дорогу и отдать мне, лично в руки. – Урманский кивнул головой на окно, за которым через проезжую часть торчала высотка жилого дома. – Вот в нём и проживает наша красавица. – Уточнение было сделано для Дмитриева. – Я, ещё помнится, озабочился, может, ты не хочешь меня видеть? Обиделась или нечто подобное... А тут вон оно что.

– Не уловил: а в чём странность письма? – Мишка никак не мог оторвать взгляда от руки профессора. Будто приклеился к ней.

– А вам не кажется странным факт, что тот человек не воспользовался интернетом?

Урманский перестал водить рукой по столу, и Михаил был ему за это благодарен.

– А может, у него нет компьютера?

– Вполне возможно, – согласился Александр Васильевич. – Но вот ещё один любопытный момент. Незвестный очень настойчиво просил опубликовать стихотворение именно в этом номере альманаха. И ни в каком ином.

– Это действительно странно, – отозвался Дмитриев. – Стихотворение было одно?

– В том-то и дело. И ведь я мог его и не отдать в печать. Долго сомневался.

– И почему отдали?

– Стиль письма... Меня смутил стиль письма. В нём чувствовалась мольба. Боль. Это меня, когда читал, и поразило. Будто от опубликования нескольких зарифмованных строк зависит жизнь человека. Помню, даже мелькнула мысль связаться с тобой, – Урманский тронул Викторию за локоть. – Однако решил, моё вмешательство может только всё испортить. И... отправил рукопись в печать. Ну, как, чай допили? В путь!

* * *

Юрий Николаевич Ельцов, декан геофака, долго рылся на полках старого шкафа. Тучный, страдающий отдышкой, доктор наук долго сопел, чертыхался, бубнил, возмущался, кричал, пока наконец не извлёк на свет божий старую, пожелтевшую от времени папку с завязочками. На ней было выведено чёрными, потускневшими чернилами: «1969 год. Экспедиция

Р-22 (цм). Информация собрана в 1971 году, студентами III курса, группа 3-Б (Д), под руководством старшего преподавателя Таврова Н. К.».

– Что значит Р-22 (цм)? – поинтересовался Михаил, когда папка с глухим стуком легла на стол.

– Разведка. Двадцать вторая по счёту. ЦМ – цветные металлы.

– Медь? – Дмитриев и сам понял, что сморозил глупость.

– Почти, – усмехнулся в ответ Ельцов.

– А сколько их всего было? – любопытствовала Вика.

– Со дня основания факультета за пятый десяток перевалило. – Доктор принялся развязывать тесёмки. – Считай, за восемьдесят лет. Практически всю область исследовали. Вдоль и поперёк.

– Есть результаты?

– А как же! Не было бы результатов, китайцы не поднимали бы постоянно вопрос о территории. Итак, что у нас имеется? – Ельцов быстро принялся перебирать бумаги. Михаил склонился рядом, но тот чертыхнулся. – Молодой человек, тут вас будет интересовать только карта. Каких-либо документов, написанных рукой вашего отца, как и прочих членов экспедиции, здесь не найти. – Глаза декана скосились в сторону Виктории. – Всё, что находится в этой папке, есть труд других людей.

Старая карта накрыла столешницу преподавательского стола.

– Вот полюбуйтесь.

Ельцов принялся водить по бумаге кончиком карандаша:

– По нашим данным, экспедиция в составе пяти человек, во главе с Юрием Геннадиевичем Дмитриевым, то есть вашим отцом, взяла за отправную точку селение Новокиевский Увал. В задачу экспедиции входило пройти вдоль устья реки Селемджи к одному из её истоков, к речке Нора. – Карандаш пополз вверх по карте. – Что и было сделано к середине июля шестьдесят девятого года. Группа открыла два поверхностных месторождения. Нашла два небольших самородка. Также она обнаружила залежи сланца... – Ельцов быстро потёр указательным пальцем кончик большого мясистого носа. – А вот то, что произошло дальше, действительно представляет некоторый интерес. От реки Нора экспедиция имела право самостоятельно выбрать направление. Главное: уложиться в сроки. Дмитриев принял решение взять северо-западнее и идти в сторону Зеи, точнее, к её истоку Гилюю. – Карандаш ударил в точку на карте. – Вот сюда. Именно здесь они раскинули базу. Это подтвердили поисковики. – Урманский заметил, с каким напряжением Дмитриев следил за рассказом декана. – Чем было вызвано данное решение, сказать не могу. Но известно другое. До конца августа Дмитриев регулярно выходил на связь и никаких волнующих сообщений от него не поступало до самого последнего дня. А вот что произошло после – покрыто туманом. – Декан бросил карандаш на карту и тот совершенно случайно приземлился именно в точке соединения Зейского водохранилища, или как его называло местное население, Зейского моря с Гилюем. В точке, где в последний раз зафиксировала своё местонахождение экспедиция Дмитриева.

– А о чём был последний разговор с управлением? – глухим голосом произнёс Михаил.

– Ничего особенного. О том, что группа вышла в данный квадрат. Руководство предложило вашему отцу пятидневный отдых. Однако он отказался. – Декан принялся сворачивать карту. – После, во время поисков, место стоянки группы осмотрели с особой тщательностью. Кроме стандартных остатков присутствия, в виде углей от костра, следов сапог, нескольких обгорелых банок из-под консервов, ничего не нашли. Ни тел. Ни вещей.

– Знаю, – огорчённо отозвался Михаил. – Мне в милиции показывали материалы поисков. Думал, может, у вас информации побольше.

– Откуда? – Доктор развёл руками. – Инициатива проведения экспедиции исходила от Амурского геолого-разведывательного управления. Ваш отец сам, лично занимался набором

команды. Повторюсь: то, что находится в этой папке, восстановлено по памяти и по материалам поисковой экспедиции. И то, к чему нас допустила милиция, не более.

– Можно ознакомиться? – Михаил вздохнул, кивнул на папку.

– Милости прошу. – Ельцов подвинул материалы к собеседнику.

Пока Дмитриев листал дело, декан продолжил разговор:

– Здесь копии материалов следствия. Кстати, параллельно с милицией расследованием занималось и КГБ. Сами понимаете, пропали официальные лица. Потому не исключался вариант шпионажа в пользу капстран.

– Бред! – тут же отозвался Дмитриев, переворачивая очередную страницу. – Там, в тайге, даже воинских частей никаких не имелось.

– С этим могу согласиться. Но речь шла не только об армейских частях. – Ельцов вытер носовым платком пот с лица. – К примеру, вам известно, что в восьмидесятых Япония хотела провести чистку дна реки Волга? А с какой целью – до сих пор покрыто тайной. По некоторым источникам, Токио до сих пор питает надежду на то, что российское правительство разрешит им провести данную операцию. Отсюда вывод: ведь кто-то сообщил о том, что лежит на дне реки, что хранится нечто такое, ради чего японцы готовы выложить миллионы? А разве это не есть шпионаж? Правда, в несколько ином виде, но тем не менее...

– Промышленный?

– В некотором смысле.

– Так то Волга. А что отец мог найти в амурской тайге такого, что бы заинтересовало иностранцев? К тому же, я так понимаю, КГБ тоже ничего не смогло отыскать.

Ельцов вынужден был согласиться.

Вдруг Мишка замер. Глаза его впились в пожелтевший лист.

– Вот. – Дмитриев осторожно приподнял лист и положил его на стол. – Копия допроса радистов.

– Действительно. – Ельцов всмотрелся в документ, для чего ему пришлось слегка склониться своим грузным, тяжёлым торсом в сторону гостя. – Протокол допроса, – декан, приподняв голову, бросил взгляд на Викторию. – Тех радистов, что сидели на приёме в управлении. – Полное лицо руководителя геофака снова повернулось к Дмитриеву. – И что?

– В милиции эта страница отсутствовала.

– Такого не может быть! – декан с силой тряхнул головой. – Мы сняли копию с их дела.

Дмитриев стоял на своём:

– Я точно помню. Потому что этого сообщения я бы не пропустил. Вот, – рука мужчины протянула лист, – прочтите, что здесь написано.

Ельцов хотел было взять документ, но Вика успела первой перехватить его из Мишкиных рук и принялась читать вслух:

– «Из показаний радиста Григорьева С.Н.: „Были проведены три последних разговора с начальником экспедиции Дмитриевым Ю.Г. 6, 12 и 20 августа. Передачи велись на заданной частоте. Без сбоев. В эфир выходили в строго отведённое время, без задержек. В последнем сообщении Дмитриев отказался от приглашения начальника геолого-разведывательного управления Фролова М.С. провести недельный отдых на базе Зейского отделения. Аргументировал отказ тем, что в противном случае не успеет провести разведку в районе Тукурингры². Просил подготовить машину для приёма и отправки проб. О дате приёма не сообщил. Попросил поздравить от его имени сына с днём рождения. Более сообщений не поступало. Группа на связь не выходила и не отзывалась“». – Девушка протянула лист Мишке.

Михаил провёл языком по пересохшим губам:

² Тукурингра – горный хребет на севере Амурской области. Тукур, токур, тукуур – кольцо, изгиб; хребет имеет изогнутую форму (эвент.).

- Последний разговор состоялся двадцатого августа?
- Вика вновь просмотрела лист.
- Да. Двадцатого. А что?
- А то, что у меня день рождения в ноябре.

* * *

- Савицкий пропал.
- Как «пропал»? Вы же... Как это произошло?
- Уехал. Вчера вечером. Сделал вид, будто лёг спать, а сам...
- На квартире у него были?
- Да. Пусто. Я оставил, на всякий случай, людей.
- Перекрыть все пути: авиа, железнодорожный транспорт, автомобильные сообщения. Найти! Во что бы то ни стало!
- Думаете, старик попытается встретиться с Дмитриевым?
- Уверен. Савицкому из Благовеценска сообщают обо всех передвижениях Дмитриева. Не случайно старик исчез именно в тот момент, когда объект проявил активность.
- Задачу понял.
- И подключитесь к его мобильному телефону.
- Он оставил мобильник дома. Сейчас пытаемся выяснить, имел ли он второй номер.
- Пустая трата времени. Савицкий наверняка будет использовать чужой. В Москве вы его не вычислите. Нужно действовать из Благовеценска. Возьмите под контроль связь всех его знакомых.

* * *

Михаил широкими шагами полосовал кабинет из угла в угол, сунув кулаки в карманы брюк. Остальные молча наблюдали за тем, как он пытается сдержать свой гнев. Не сдержал. Сорвался:

- Почему?! Почему этот протокол пропал из дела?!
- Вика с тревогой наблюдала за новым знакомым. Теперь перед ней был не весельчак Карлсон, а запертый в клетке уссурийский тигр.
- Потеряли! – громко предположил Ельцов, чем привёл девушку в чувство.
- Вы что, смеётесь? – тело Дмитриева резко развернулось в сторону декана.
- И не думал, – спокойно отозвался тот, наткнувшись на испепеляющий взгляд. – Вы в каком году ознакомились с делом? В конце восьмидесятых? И оно было взято из архива? Куда попало по причине закрытия? Простите, но, к сожалению, и не такие по ценности бумаги терялись в наших славноизвестных архивах.
- Мишка с силой сжал ладонями рук виски, присел на стул, успокаивая себя.
- Ладно, – снова нервно вскочил он на ноги, – чёрт с ним, с этим протоколом. Но почему никто после последнего сеанса связи не удосужился сделать самого элементарного: позвонить домой жене начальника экспедиции! Поздравить сына и одновременно узнать, что никакого дня рождения нет! Почему? Тоже разгильдяйство? Отец же прямым текстом намекнул: с ними не всё в порядке. Они находятся в чужих руках!
- А с чего вы решили? – декан геофака наполнил стакан водой и залпом осушил его. – Только из последней реплики? А если то была шутка? Или код, про который ваш отец условился с руководством экспедиции?
- Да что вы мне голову морочите? Какой код? – отмахнулся Михаил. – Чётко сказано: беда! Спасайте! А вы мне про шутки...

– Успокойтесь. – Юрий Николаевич с трудом стянул с себя пиджак, оправил мокрую от пота рубашку. – Я просто выдвигаю версии. Не забывайте: на дворе стояли советские шестидесятые, а не бандитские девяностые. В нашей пограничной местности в то время пропажа и одного-то человека считалась чрезвычайным происшествием, а тут целая экспедиция. К слову сказать, бродило предположение, будто группу захватили зеки. Но, побегов из близлежащих, впрочем, как и дальних, лагерей не было, а потому версия умерла.

– Но вы же слышали. – Мишка постучал указательным пальцем по лежащему на столе листу. – Отец почти прямым текстом сказал: они в опасности!

– Молодой человек, – теперь не сдержался декан, – перестаньте кричать! Будто мы виноваты в том, что случилось? В конце концов, прошлого не вернёшь.

Лучше бы Юрий Николаевич последних слов не произносил.

– Что «не вернёшь»? – по второму кругу вскипел Дмитриев. – Из-за таких – Михаил хотел найти более подходящее слово. – Из-за таких... подонков, которым тяжело поднять задницу с мягкого кресла, погибли люди. Мой отец. Её отец! – указательный палец Дмитриева устремился в сторону Виктории. – Пять человек! Пять крепких мужиков пропали без вести, а точнее, судя по всему, убиты. А мне успокоиться?

– Хватит! – Вика встала промеж мужчин. – Тот виноват, этот... Как бабы.

Ельцов с трудом перевёл дыхание, расстегнул ворот рубашки:

– Кстати. А с чего это опять начался поиск экспедиции? Столько лет никто ею не интересовался, и вдруг... Сразу два близких родственника. В один день...

– Вот с этого. – Урманский протянул журнал учёному. – После публикации Викиного стихотворения, которого она никогда не писала.

– Да что вы говорите, любопытно. – Взгляд декана стремительно пронёсся по зарифмованным строкам. – Признаться, я в поэзии... – Ельцов сделал паузу. После чего продолжил: – И что? Стихи, как стихи. Ничего особенного.

– Насчёт таланта согласен. Не Пушкин. – Урманский кивнул в сторону Михаила. – Интересно сие творение другим. Тем, что написано его отцом. За год до экспедиции. А вот опубликовано под именем присутствующей здесь Виктории Рыбаковой. Нашей бывшей студентки. Которая, к слову сказать, про то, что его опубликуют, не имела ни малейшего понятия.

– И отец которой, – тут же заметил Михаил, – тоже входил в состав экспедиции Дмитриева.

– Действительно, ситуация любопытная. – Декан принялся более внимательно перелистывать журнал. – И кто от её имени прислал этот стишок, не известно?

– Совершенно верно.

– М-да... – Юрий Николаевич снова уткнулся в напечатанный текст. – Оказывается, Дмитриев был ещё и поэт. Не знал.

– Вы были с ним знакомы? – Михаил встрепенулся.

– Шапочно. – Декан небрежно перевернул новую страницу. – Если можно назвать знакомством перекидку несколькими фразами первокурсника с преподавателем вуза.

– Мой отец преподавал в вашем университете? На этой кафедре?

Нет, сегодня действительно для Михаила был день открытий.

– Представьте себе, юноша. Правда, в те времена сие заведение носило статус института. – Ельцов вскинул голову. – А вы что, не знали? Впрочем, ничего странного нет. Сколько вам тогда было? Пять? Шесть лет? К тому же ваш батюшка пришёл к нам во втором семестре. Практический курс. Всего-то отработал четыре месяца.

– Странный случай, – отметил Урманский.

– Да, – подтвердил декан. – Редкий. Его пригласил профессор Шабанов. Евгений Васильевич. Лично.

– Декан геофака в те годы, – пояснил Александр Васильевич.

– Они дружили? – тут же поинтересовалась Виктория у Ельцова.

– Понятия не имею. Но были хорошо знакомы – факт! Дмитриев, по слухам, не без помощи Шабанова даже в аспирантуру поступил. К тому же Евгений Васильевич взял его к себе на кафедру среди учебного года. Когда вся нагрузка расписана... А сие, знаете ли, очень редкостный случай. Хотя практик, как мне рассказывали, Дмитриев был от Бога. К сожалению, читал он только на старших курсах...

– Возможно, кто-то из студентов ушёл с ним в экспедицию... – заметил Александр Васильевич.

– Да, было нечто подобное, – подтвердил Ельцов. – Какой-то дипломник. Выпускник.

– Постойте. А защита диплома? – удивлённо заметил Урманский. – Ведь они ушли в июне. Как раз во время защиты.

– В те времена подобного рода дела решались просто. Звонком из обкома партии.

– А как звали студента? Я помню всю группу отца поимённо, – поинтересовался несколько успокоившийся Мишка.

– Смейтесь?! Думаете, я вот так, с ходу, вспомню детали сорокалетней давности? – Юрий Николаевич взял папку в руки, раскрыл её, принялся листать страницы. – Вот, кажется, он. Савицкий Владимир... Отчество неразборчиво. На бумагу попала вода, чернила расплылись.

– Да, был такой, – утвердительно кивнул головой Мишка.

– Вот именно, что был. – Ельцов кинул папку на стол, распахнул створки окна пошире, вдохнул полной грудью горячий, сухой воздух.

В комнате повисла тишина. Никто не знал, как её прервать. Вика, сжав губы, хмуро смотрела в пол. Дмитриев снова принялся метаться по кабинету. А Урманский, присев на край стола, стал механически листать альманах.

Ельцов повернулся к гостям, особо пристально посмотрел на Мишку, после чего обратил голос к профессору:

– Слушай, Александр Васильевич, а почему к нам не заглянул? Записки Колодникова опубликовал, а чем мы хуже? Я бы тоже черкнул пару строк о наших новых наработках.

– В следующем номере – обязательно, – стушевался профессор.

– А кто такой Колодников? – поинтересовалась Вика.

– Историк, – пояснил Михаил, прочитавший журнал от корки до корки. – Провёл ряд археологических экспедиций по Амурской области. В «Амуре» напечатаны выдержки из его дневников.

– Ведущий историк и археолог на Дальнем Востоке, – тут же заметил Урманский. – Несмотря на то, что умер в семьдесят первом году, его трудами и находками до сих пор пользуются и восхищаются современные исследователи края.

– Эка ввернул, – усмехнулся Ельцов, проведя ладонью по практически лысому затылку. – Интересно, про меня потомки тоже скажут нечто подобное? Али обойдутся маленьким некрологом в университетской многотиражке?

– Типун тебе, и не только на язык, – моментально отреагировал Александр Васильевич, из чего Михаил сделал вывод: промеж географом и филологом существует дружеская связь.

– Типуном-то я как раз и не отделаюсь! – рассмеялся декан, впрочем, тут же оборвал себя: – Значит, говорите, некто под именем нашей гостьи прислал стихи Дмитриева? Вывод один: этот человек знал о вас, Виктория. А может, и о вас, Михаил. Любопытно было бы узнать, кто этот человек?

– А что, если не все пропали или погибли? – неожиданная мысль, произнесённая девушкой, зависла в воздухе.

* * *

– Савицкий в Чите! Самолёт приземлился два часа назад. В Читу ориентировка была передана с опозданием. В аэропорту задержать Савицкого не удалось.

Ни поездом, ни самолётом из Читы старик не воспользовался. Из дома с собой Савицкий взял только самое необходимое: документы, деньги, смену белья, бритвенный прибор. Всё пронёс в салон самолёта как личный багаж, что даёт возможность предположить, что у него имеются знакомые в городе. Или пригороде. На данный момент идёт проверка гостиниц и арендованных квартир.

– Зря теряете время. Правильно заметили: если он взял с собой только минимум, не предназначенный для проживания в тайге, его ждали в Чите. Ищите читинские связи! Все! Учтите: данная информация не будет лежать на поверхности. Скорее всего Савицкий задействует старые «законсервированные» связи. А потому полная концентрация и внимание.

– Уже приступили.

* * *

Археологи обнаружили в Партизанском районе Приморья мощные фортификационные сооружения, землянки и посуду племени мохэ, обитавшего в IV–VI веках на этой территории.

«Подобные оборонительные сооружения этого племени с глубокими рвами и валами на территории Приморья встречаются очень редко. Безусловно, это очень интересная и значимая находка», – сообщила в понедельник руководитель отдела средневековой археологии Института истории, археологии и этнографии Дальневосточного отделения РАН Надежда Артемьева. По ее словам, древнее поселение расположено на сопке, которая возвышается над равниной. «Вниз по склону спускаются террасы, вдоль них стоят дома земляночного типа», – отметила Артемьева.

Она уточнила, что археологи обнаружили на этом участке много керамической посуды, которая и позволила датировать находку. По ее словам, специалисты продолжают изучение этого значимого археологического памятника.

Древние мохэ принадлежали к тунгусо-маньчжурским народностям. Первые упоминания о них относятся к IV–V векам нашей эры. В этот период они появились на территории Маньчжурии, Приморья и Приамурья. Мохэское общество относится к эпохе до возникновения государственности и является предшественником государств Чжурженей и Бохай.

РИА «Новости»

* * *

– Ерунда! – Ельцов соорудил из тетрадного листа веер и принялся им гонять душный воздух. – Бред! Глупости! Никто из экспедиции Дмитриева не выжил. Если бы уцелела хоть одна живая душа, мы бы об этом знали. – Указательный палец запрыгал перед носом учёного. – Целая следственная бригада работала! И потом: ну, предположим, кто-то из экспедиции действительно остался в живых. Почему он скрыл этот факт? Почему исчез?

– А если у него имелись веские причины? К примеру, тёмное прошлое? – Вика не сдавалась.

– Отпадает! – уверенно отозвался декан. – В состав экспедиции Дмитриев отбирал людей сам. Лично! Все проверенные люди: не забываете – речь шла о золоте.

– А если тот человек испугался, что его обвинят в гибели экспедиции? – высказал новую версию Михаил.

– То есть?

– Не знаю. Кругом болота. Предположим, все утонули, а он нет. А тут ещё золото. Вы же сами сказали: были обнаружены два открытых месторождения. Вот он и...

– А если в гибели экспедиции виноват проводник? – вскинулась Вика.

– А вот в этом что-то есть! – Тут же зацепился за слова девушки Мишка. – Ведь его-то отец вряд ли проверял. Как понимаю, он его нанял уже там, на месте, по прибытии группы.

– Бытовала и такая версия. – Юрий Николаевич налил полный стакан воды, залпом осушил. – Её, собственно, и по сей день никто не снимал.

– Вот видите! – Дмитриев хлопнул себя ладонью по колену.

– Что за версия? – поинтересовался Урманский.

– Будто членов экспедиции убил проводник. – Самодельный веер послушно затрепетал перед потным лицом декана. – Шёл с ними один мужичок, из местных. Эвенк. Из охотников. Довёл до Гилюя кратким путём. Следствие установило, он оставил экспедицию и прибыл в город Зею до того, как от Дмитриева поступило последнее сообщение. А в ориентировочное время исчезновения группы он уже находился у себя дома, в Новокиевском Увале.

– О, подельники! – выдвинул новую гипотезу Михаил. – А дома оказался, создавая алиби.

– Вполне возможно, – согласился Юрий Николаевич. – Особенно если учесть новое обстоятельство, что ваш отец пытался предупредить коллег. Местные охотники хорошо знают места. Для них спрятать тела – не проблема. Вот потому-то следов и не нашли. А сейчас и подавно ничего не докажешь. Многих, кто помнил об этой экспедиции, уже и в помине нет.

– Но всё-таки кто-то остался... – заметил Урманский. – Стихи ведь кто-то прислал?

– Да брось ты! – Ельцов отбросил веер и снова взял в руки бутылку с водой. – Из простого совпадения выдумываем бог весть что!

– Хорошо. Предположим совпадение. – Урманский схватил Вику за руку. – А зачем в таком случае кому-то было нужно выдавать чужие стихи за её? Смысл?

– А если любовь? Так сказать, выражение чувств? Кому-то именно вот таким образом захотелось выказать свои чувства к присутствующей среди нас даме. Или чувства мы уже в расчёт не берём? Нам только логику подавай!

Михаил уже и не знал, что думать. Только что перед ним, хоть каким-то боком, проявилась более-менее логичная цепочка причины смерти отца. Алчность. Да, это не оправдывало, но объясняло многое. А теперь и она вроде терялась. Впрочем, и Александр Васильевич был в чём-то прав. Действительно, неслучайно ведь те строки появились именно в этом номере.

– Всё-таки я остаюсь при своём мнении, – будто услышав Мишкины мысли, отозвался Урманский, протянув библиотечный журнал Дмитриеву. – Нужно найти того, кто прислал стихи.

Ельцов развёл руками: природный жест уверенного в себе человека, который не смог доказать свою точку зрения окружающим. В конце подобной жестикуляции обычно подраزمевалась следующая фраза: «А ведь я говорил, предупреждал...»

– Бог в помощь! Ищите!.. Кстати, Александр Васильевич, – декан переключился на новую мысль, – а тебе вдова Колодникова передала дневники в полном объёме? Или только часть?

– Часть. Да и то отредактированную. Её собственной рукой. А что?

– Так... Признаться, давненько её не видел. В своё время она очень помогла в моих исследованиях.

– Мог бы и навеститься. В Хабаровске частенько, в отличие от меня, бываешь. – Урманский протянул руку. – Ладно. Извини, что потревожили.

Ельцов взял руку Михаила.

– Я так понимаю, займётесь поисками экспедиции?

Мишка вздрогнул.

– До данного момента и не помышлял.

– И тем не менее подобная мысль в голову к вам уже пришла. Вижу по глазам. Не обессудьте за правду, но ничего вы не найдёте. По свежим-то следам не нашли... Единственно, чем могу помочь: поднять архивные материалы. Как найду что-либо интересное – незамедлительно сообщу....

– Спасибо вам огромное. – Дмитриев смотрел, как учёный прощается с девушкой. – Вы и так нам очень помогли. А можно попросить: вы бы не могли мне дать эту папку на пару дней? Сделаю ксерокопию и верну.

– Простите, но... Вещь подотчётная. Тем более в единственном экземпляре. Если что случится, кому голову снимут? Да и, как вы заметили, её содержимое в тайге вряд ли принесёт пользу.

* * *

На Украине потеряли останки Ярослава Мудрого.

В Киеве обнародованы результаты генетической экспертизы останков, обнаруженных в саркофаге Ярослава Мудрого при последнем вскрытии, в 2009 году. Результаты шокировали исследователей – оказалось, что скелет, который находится в гробу, составлен из останков двух разных женщин, жизни которых разделяет почти тысяча лет. Причем ни одна из них не имеет никакого отношения ни к Ярославу, ни к его жене...

Вести. Ру, Валентин Богданов, 14.04.2010.

* * *

Вика едва поспевала за широко шагающими и совершенно забывшими о ней мужчинами.

– Если не займусь этим сейчас, потом совесть будет мучить всю жизнь. – Гулкие, пустые коридоры множили слова Михаила, дробя и разбивая звук о стены. – Один раз я сложил руки. В восьмидесятых. Теперь можно и напрячься.

Солнечный зайчик блеснул в линзе очков учёного:

– Однако забывать о сорока годах тоже не следует. Впрочем, – профессор продолжил движение, – поступайте как знаете.

– Я очень благодарен за всё, что вы для меня сделали. – Дмитриев догнал Урманского. Тронул за локоть.

– А вы не меня благодарите. – Александр Васильевич кивнул в сторону Вики. – Если бы не она...

Миновав второй коридор, лестничный пролёт и ещё один длинный, гулкий коридорный тоннель, Урманский, Виктория и Дмитриев вновь оказались перед дверью кафедры филологии.

– Что ж, – Александр Васильевич протянул Михаилу руку, – рад был познакомиться. Как говаривали в старину, не обессудьте.

– А ничего, если я вас ещё потревожу? – Дмитриев, заметив недовольный взгляд профессора, улыбнулся. – Нет, не сегодня. Вдруг что-то прояснится... Может, вы мне маякнёте. Или я вам...

Урманский рассмеялся:

– Как мёд, так ложкой? Ладно, звоните. Только не ночью. Терпеть не могу, когда лезут в мои сны.

– Договорились.

Профессор чмокнул Викторию в щеку и скрылся за дверью кабинета.

– У меня, между прочим, отпуск. – Улыбка стёрлась с лица девушки. Взгляд рассерженной фурии буквально испепелил Дмитриева. – И я к этому делу имею не меньшее отношение, чем вы. Только меня почему-то игнорируют. Странно, правда?

– Ничего странного. – Михаил хотел было взять в свою руку девичью ладошку, но Вика резким движением спрятала руку за спину. – Я ещё и сам не знаю, поеду или нет.

– Вы же только что говорили...

– Да, говорил. – Михаил всё-таки ухватил учительницу за локоть и потянул к лестнице. – Потому что дурак. Урманский прав. И географ этот тоже. Ни черта мы там не найдём. Только зря время потратим.

Металлическая лестница звонко загудела под ногами спускающихся на первый этаж людей.

– К тому же... – Михаил притормозил, стоя на ступеньку ниже спутницы, от чего их лица оказались напротив друг друга. Мишка ощутил приятный аромат духов. – Я уже был в том районе. Ездил на охоту. Гиллой весь исхожен-перехожен. Вдоль и поперёк. И там действительно ничего нет.

– И что же теперь делать? – Виктория, заметив заинтересованный взгляд собеседника, вывернулась из-под его руки, и каблочки туфель застучали по бетонному полу коридора, ведущего к выходу.

– Имеется одна мыслишка. Не знаю, насколько она верна, но... Как говаривали в мои студенческие времена: за неимением кухарки имеют дворника. Лично я собираюсь поехать в Моховую Падь. Составите компанию?

* * *

Оставив за спиной университет, Михаил первым делом достал мобильный телефон и принялся с кем-то громко договариваться о срочной встрече. Выйдя к перекрёстку, Мишка, не отнимая мобильника от уха, кивнул в сторону высотного жилого четырнадцатизэтажного строения, спросил у Вики:

– На каком?

Девушка вмиг поняла, о чём её спрашивают:

– На двенадцатом. Хотите в гости?

– Сейчас нет. Одна живёте?

– С мамой.

– Мама – это хорошо. Я тоже живу с мамой. – Дмитриев принялся смотреть по сторонам. Заметив знакомый силуэт такси, припарковавшегося возле магазина, махнул рукой и проговорил в трубку: – Скоро буду. Минут через двадцать. Жди!

Такси, «тойота» с правым рулевым управлением, в надежде получить хороший заработок, нарушая правила дорожного движения, рвануло к нему.

– Куда? – высунувшись в окно, поинтересовался водитель.

– В Моховую Падь.

– Стольник!

– Согласен! – Михаил приоткрыл заднюю дверцу. – Не передумали?

Последние слова были обращены к Виктории. Девушка положила руку на дверцу:

– В Моховой что, слёт вредных и противных мужиков?

– Точно!

– Тогда поехали.

Михаил захлопнул за девушкой дверцу, обошёл сзади авто и упал в мягкое кресло спереди, рядом с водителем.

Машина опять резко рванула с места в сторону улицы Театральной, самому короткому пути, который вёл к одному из районов Благовещенска, Моховой Пади. Такое странное наименование пригород получил по названию местности, на которой его построили. Поначалу это был военный городок в тридцати километрах от областного центра, для семей офицерского состава, которые служили и преподавали в танковом училище, специально расположенном именно в Моховой Пади, самом идеальном месте для полигона гусеничной техники. Но со временем численность населения Благовещенска увеличилась настолько, что Моховая Падь плавно, но довольно стремительно превратилась из офицерского городка в обычный жилой микрорайон.

Михаил вывернулся всем телом назад:

– Знаете, Виктория, а мы ведь, можно сказать, соседи.

– В смысле?

Дмитриев кивнул в сторону удаляющегося дома:

– Я живу в двух кварталах от вас. Перекрёсток Шимановского и Амурской. Да... Сорок лет с вами ходили одними дорожками, по одному городу. Может, даже когда-то где-то и сталкивались. И понятия не имели, что нас столько объединяет.

– Живёте в пятиэтажках? – вспомнила девушка.

– Сто сороковой дом.

– Тогда точно могли видеть друг друга. Вы в какой школе учились? В одиннадцатой?

– В ней самой.

– Дворникова застали? – в голосе Вики слышались нотки веселья.

– Александра Аббасовича? А как же! Помню, попортили нервишки друг другу. Это мы после, в десятом, когда его сделали замом по воспитательной работе, поняли, какой подарок нам подарила жизнь. Первые дискотеки в городе – у нас. Первое ученическое самоуправление – мы. И это при наличии комитета комсомола... А вы что, тоже одиннадцатую заканчивали?

– Нет. Проходила практику. Думала, по окончании университета пойти к нему, но Аббасовича к тому времени перевели в городской отдел образования. Не получилось.

Михаил бросил взгляд в дверное окошко, за которым только что промелькнуло здание железнодорожного вокзала, и вновь повернулся к девушке:

– Как думаете, почему тот человек выбрал именно вас? Почему не опубликовал стихотворение, предположим, под моим именем?

– Не знаю. – Вика задумалась. – И свои-то собственные поступки подчас трудно объяснить, а чужие... Может, он о вас не знал?

– Вывод неправильный. Я старше вас на восемь лет. А значит, в экспедиции обо мне знали. Мама рассказывала, отец приводил своих товарищей в дом. А вот ваш папа скорее всего даже не подозревал о вашем существовании. Ведь вы ещё не родились, когда он уехал?

– Как раз перед самым отъездом мама ему сообщила о том, что беременна, – тихо проговорила Вика. – Он обрадовался.

Губы девушки дрогнули, но она сдержалась. Дмитриев в этот момент смотрел на дорогу, а потому не увидел реакции собеседницы и как ни в чём не бывало продолжил:

– Вот и ответ. УЗИ в те времена ещё не изобрели. А потому, ваш батюшка никак не мог знать о том, кто у него родится. Сын или дочь. Согласны? – Михаил снова обернулся назад. – Отсюда вывод: незнакомец собирал информацию. Причём о нас обоих. Чтобы попадание было более точным. Если один не увидит, то хотя бы второй. – Дмитриев задумчиво постучал слегка ногтём большого пальца по зубам. – Более того. Мне кажется, этот человек очень хотел, чтобы мы встретились... Кстати, только начистоту, скажите, Вика, если бы вы увидели эти стихи под моей фамилией, то стали бы поднимать волну?

Девушка неуверенно пожала плечами.

– Не знаю. Скорее всего нет.

– Вот скорее всего и он так подумал. – Остаток мысли Дмитриев проговорил про себя. – И ещё он наверняка знал о том, что мама посещает библиотеку.

– Что вы сказали?

– Да так, пустяки.

– Думаете, за нами следили?

– Думаю, да.

* * *

Урманский наблюдал в окно за тем, как Дмитриев с Викой сели в машину. Потом прошёл к тумбочке, на которой возвышался электрический чайник, подключил его провод к электросети. Неожиданно, и непонятно по какой причине, впервые с момента появления в кабинете этого нахрапистого Дмитриева у Урманского проснулось чувство тревоги. Александр Васильевич ощутил, а точнее, осознал всем своим существом, что с приходом этого человека вся его дальнейшая жизнь кардинально изменилась, разделившись на два этапа: до прихода Дмитриева и после.

Профессор нажал на кнопку включения чайника. «А ведь меня использовали. – Урманский присел на стул, облокотившись о спинку, потёр ладонью правой руки лоб. – Голова болит. Просто раскалывается. – И снова мысли понеслись по кругу: – Меня действительно использовали. Не Дмитриев, нет. Тот, другой. Использовал втёмную, нагло, воспользовавшись моим стремлением пропагандировать СЛОВО, как таковое. В стихах ли, в прозе, в очерках ли, в статьях. Но тем не менее... Господи, как это мерзко и гадко... Воспользовались доверием».

Чайник зашипел, извергая пар, и тут же выключился. Александр Васильевич посмотрел на него отсутствующим взглядом. «И как теперь быть? Плюнуть и оставить всё на своих местах? – профессор скептически покачал головой. – Не получится».

Урманский подошёл к зеркалу, внимательно всмотрелся в своё отражение, ткнул указательным пальцем в стекло и проговорил:

– Потому, как ты заинтересовался происходящим. Да, да. Тебе уже хочется знать больше. Впервые судьба соприкоснула тебя с тайной. – Палец стучал по зеркалу, отбивая ритм мысли. – И тебе понравилось новое чувство – чувство поиска, открытий. Незнание всегда манила и влекла человека. Что там, за железной дверью, с навесным, старым замком? Желание познать то, что неведомо другим. – Александр Васильевич увидел в зеркальном отражении, как рука его двойника медленно приподнялась, провела по подбородку, спустилась к тонкой, с остро выпирающим кадыком, шее. – Случается, это желание губит. Убивает. Я столкнулся с тайной, связанной с гибелью нескольких человек. Александр Васильевич тряхнул головой, отвернулся от стекла, помассировал виски, после чего кинул в чашку пакетик с заваркой, залил его кипятком. Края чашки мелко задребезжали от ударов по ним чайной ложечки. Мысли вернулись в прежнее русло.

«К чему она приведёт, тайна? К открытиям? Или, наоборот, к неприятностям? Как быть тогда? Отказаться от предоставления помощи этому любопытному мужичку, с дремучей фамилией „Дмитриев“? И как ты себя потом будешь чувствовать? Провалишься отпуск на кушетке, на одном из китайских курортов, а потом снова начнётся рутина, потому как сам спрыгнешь с фрегата. Так что, не будем спрыгивать?... А может, это детство в одном месте играет и не покидает тебя? Ты ведь читал сегодня не Верна, Платова и Насибова, а протокол уголовного дела. А если все это пахнет не романтикой, а элементарной уголовщиной? Убийство за золото – далеко не редкий случай...».

Александр Васильевич долго смотрел на горячий нетронутый напиток, после чего со стуком вернул чашку на стол.

«А было ли происшедшее простым, банальным убийством? – Мысль неожиданно изменила направление. – Почему не покидает ощущение, будто некто очень хочет, чтобы мы в этом сомневались? Будь то простое уголовное преступление, то неизвестный, у кого проснулась совесть сорок лет спустя, дал бы знать о себе иным, более примитивным, способом. Написать письмо. Позвонить. Просто встретиться и рассказать о том, что произошло летом шестьдесят девятого. Однако незнакомец поступил иначе, но, судя по всему, он очень хотел подтолкнуть Дмитриева и Вику к самостоятельным действиям в поисках истины. И я помог ему. Этот человек знал: один из них обязательно придёт ко мне. Он сам спланировал их встречу...».

Урманский присел на стул, на котором час назад сидел неожиданный гость. Александру Васильевичу даже показалось, будто сиденье хранит тепло тела нового знакомого. Что привело и к новой мысли: «А если незнакомец запланировал и наш визит на геофак? Да нет, – профессор отогнал сомнения в сторону, – не семи же он пятей во лбу... Однако не даёт покоя мысль о том, будто убийца так поступать не может. Слишком интеллигентно? Красиво? ... – Александр Васильевич замер. – Стоп! А что, если взять более банальную причину: незнакомцу физически не давали возможности войти в контакт с Дмитриевым? Потому и был сделан своеобразный финт. Головоломка. Но в таком случае вывод один: свидетель исчезновения экспедиции – не одиночка. И второй вывод: за ним следят. А сие означает что? Верно. Организация! А кто мог в шестидесятих годах диктовать условия? Какая организация? То-то!»

* * *

– Докладываю. Оба объекта покинули машину по адресу: Моховая падь, 24, возле седьмого подъезда. К кому и на какой этаж поднялись, выяснить не удалось. Запись беседы во время поездки высылаю. Жду дальнейших указаний.

* * *

– Знакомьтесь, – Михаил пропустил Вику вперёд, едва дверь незнакомой квартиры на пятом этаже распахнулась по воле хозяина дома: – Сергей. Санатов. Думаю, обойдёмся без отчества. Мой друг, товарищ и брат. Брат – в переносном смысле.

Из дверного проёма на девушку смотрело круглое лицо смущённо улыбающегося мужчины лет пятидесяти. Невысокого роста, плотного телосложения. С седовато-рыжей, короткой, непричёсанной шевелюрой на голове, которая с трудом пыталась скрыть глубокие залысины, тянущиеся ото лба к затылку. С такими же рыжими усами и щетиной на лице. С носом-картошкой поверх усов и узкими щёлочками глаз, которые внимательно и оценивающе смотрели на незнакомку.

Санатов протянул руку. Девушка в ответ раскрыла свою. Широкая, сильная ладонь хозяйина квартиры оказалась шершавой, мозолистой.

– Ты не сказал, что будешь со спутницей, – мужчина не смог скрыть удивления.

– Это что-то меняет?

– Нет.

– Вот и замечательно. – Дмитриев лёгким движением руки, подтолкнул Вику внутрь помещения. – Серёга – художник. В душе. У них это семейное.

– Балабол! – отмахнулся Санатов – Следуйте за мной. На кухню. – Сергей толкнул нужную дверь. – Внучка спит... Сейчас будем пить чай.

Кухня представляла собой довольно необыкновенное помещение. Точнее, помещение то было обыкновенным, вот только использовали его явно не только в прямых целях. На кухонном столе лежали кипы листов ватмана, разрисованные эскизами различного рода мебели. А на

верхнем ватмане даже была изображена гнутая, витая деревянная лестница. Структура дерева, которую постарался изобразить художник, дышала теплом и солнцем.

– Новый заказ. Кедр, – раздался из-за спины чуть хриловатый голос Санатова. – Самое жизнерадостное дерево.

– И не жалко спиливать такую радость? – Вика пропустила хозяина к столу, чтобы тот смог убрать рисунки.

– Конечно, жалко. Только мы ведь не просто спиливаем. На месте каждого спиленного сажаем два новых. Такова политика компании. Деревья, как и люди, рано или поздно умирают. А так они ещё долгое время смогут послужить. Как насчёт торта? Домашнего!

– Сто лет не ела сладостей домашнего приготовления!

Санатов тихонько, стараясь не издавать шума, прошёл в коридор и вскоре вернулся с женой:

– Знакомьтесь, Светлана.

Вика привстала:

– А я вас знаю. Ваша коллекция мод демонстрировалась в апреле, в «Бастилии»³? Светлана Санатова. Мусорный бал! Из всякого рода подручных средств – шедевры.

Женщина расцвела. Светлана понравилась Виктории. Имя соответствовало хозяйке дома: светлая, добрая, открытая, она моментально покорила гостью.

Дмитриев кивнул Сергею, чтобы тот прикрыл дверь, после чего принялся рассказывать о том, что им удалось узнать. Чем дольше длился рассказ, тем всё более и более хозяева квартиры поражались услышанному.

– Невероятно! – выдохнул Серёга. О чае он вовсе забыл. – Получается, убийство из-за золота?

Мишка повёл плечами:

– Это наиболее правдоподобная версия. Хотя... – Дмитриев принялсяковыряться чайной ложечкой в куске торта, положенном перед ним на тарелке. – Вот сейчас, пока говорил, мне вдруг показалось, что... будто всё за уши притянута. Прокрутил новости в голове, – Михаил кивнул в сторону девушки, – и ещё большее количество вопросов появилось. К примеру, как подельники проводника смогли ликвидировать экспедицию, в полном составе?

– Ночью, – сделал предположение Санатов, – полсела вырезать можно.

– И никто не оказал сопротивления? – скептически заметил Михаил. – Бред! Особенно, если вспомнить, что над душой отца стояли в тот момент, когда он передавал последнее сообщение. Он просто обязан был быть «на стрёме». Какой сон, о чём ты говоришь... И потом: зачем убийцы вообще позволили отцу общаться по радио? Где логика?

– Не успели отреагировать. – Санатов уверенно воткнул свою ложку в торт. – Пошёл вызов, отец взял трубку, вот и...

– Какую трубку, Серый? – Михаил с шумом, прихлебнул из чашки горячий чай. – Чтобы в те времена принять сигнал, требовалось сделать массу манипуляций: открыть коробку, подключить питание, настроиться на волну. И связывались тогда в строго определённое, заранее оговоренное время. Слабо верится, будто отец смог всё это проверить тайком, а после – бац, и застучали.

– Думаешь, специально предоставили такую возможность?

– Другие варианты не лезут в голову.

– А, что? Очень даже может быть. К примеру, убийцы хотели выиграть время... Пока то да сё... Следующий сеанс через неделю – вагон времени. Чтобы тщательнее замести следы. За неделю выбрать место и утопить всё в болоте – никаких проблем. И с самородками по хатам.

– Да вроде у проводника-то ничего не нашли...

³ «Бастилия» – местное население Благовещенска так называет здание областного культурного центра.

– А это ничего и не значит, – отмахнулся Санатов. – Припрятал. А когда всё утихло, воспользовался. И потом: когда ничего не нашли? В конце шестидесятых. Ждал – выжидал, а при Горбачёве на то золото кооператив открыл. Ведь проводником после, ни в семидесятых, ни в восьмидесятых, никто не интересовался.

– А что? Мысль! – встрепенулся Михаил. – СЧХ ещё в столицу не свалил?

– Зачем? Ему и у нас хорошо. До пенсии два года. – Ложка с тортом устремила к санатовскому рту. – Ну, ты, Михайло, даёшь... Вы же корефанили!

– Да мы и остались друзьями, – соврал Дмитриев.

– Да, да. Рассказывай! Живёте в одном городе, а встретиться никак не можете. Кстати, он мог бы спокойно снова достать из архива дело и пересмотреть его. Вместе с тобой. Как тогда, в восьмидесятых. Будь я на твоём месте, уже давно бы так поступил.

Теперь отмахнулся Мишка.

– Ни черта в деле нет. Я его почти наизусть помню.

– Но ведь протокола допроса связистов там не было? А может, уже и ещё чего-нибудь не хватает.

Михаил поскрёб на подбородке щетину.

– Да звонил я ему. Пару раз. Он не захотел общаться.

– Да, некогда ему было! А в третий раз гордость не позволила набрать номер? – Сергей потянулся за чашкой. – А почему ты не захотел взять трубку, когда он тебе наябывал?

– Не помню.

– Не помнит он... – тихо вскипел Серёга. – Столько лет дружить, и кинуть всё псу под хвост... К тому же, прекрасно знаешь, ты не прав! И СЧХ сделал всё что мог!

– Ладно, – огрызнулся Дмитриев, – проехали!

– Вот-вот. У тебя так постоянно. Чуть что: проехали... Не хочешь с ним говорить, давай я наберу.

– И позвони!

– Вот и позвоню! Прямо сейчас!

Санатов схватил чашку, поднёс к губам и специально с шумом прихлебнул горячий чай.

– Не обожгись! – Светлана повернулась к девушке. – Вика, а вы на них внимания не обращайте. У них по жизни: цапаются, потом мирятся. Потом снова грызня. И так сорок лет.

Серёга прислушался: не разбудили ли ребёнка? Но из комнаты, где спала внучка, ничего не было слышно. После чего достал мобильный телефон и нажал на кнопку ускоренного набора.

– Не берёт. Ничего, сам перезвонит. Слушай, Мишка, – в голосе мужчины не было слышно и остатков нервозности, – а если проводник Богу душу отдал? Что тогда? – Санатов потянулся за третьим куском торта, но тут же получил по рукам от супруги.

– В таком случае посмотрим, как повели себя ближайшие родственники. Или сообщники. – Михаил с силой провёл ладонями рук по лицу, словно стирая накопившуюся усталость. – Дружков нужно проверить в первую очередь. Только понимаешь, Серый, – он наклонился к другу, – не верится мне в версию с золотом.

– Почему? – с трудом произнёс Санатов, всё-таки обжегшись кипятком. – Золото – оно и в Африке золото. За него во все времена глотки резали.

– С этим-то я согласен. Но есть нюансы. Во-первых, сколько было того золота? Два самородка? За такое целую экспедицию убивать не станут. Это ж какие должны были быть самородки, чтобы себя под вышку поставить?... Дальше. Хорошо. Предположим, убили. И что делать с самородками при Советском-то Союзе? Где реализовать? У стоматолога?

– А если у проводника были знакомства среди зеков? Со связями в ихнем мире? – высказался Санатов.

– Тем более. Люди опытные, знающие закон. За два самородка – пять трупов? Вышка?! Нет, украсть – без проблем. Но не убивать же целую группу.

– Золото следователи нашли? Нет, – парировал Сергей. – На том расчёт и строился.

– Спрятали до лучших времён, – неожиданно предположила Вика.

– До каких времён?

– Как «до каких»? До падения СССР!

Дмитриев поморщился:

– В таком случае это был не проводник, с неполным средним образованием, а провидец, эдакий новоявленный Нострадамус, который смог в шестьдесят девятом увидеть развал Союза и решил заранее к нему подготовиться. Бред!

Вика обиженно поджала губы.

– Кстати, каковы твои мысли по поводу того человека, который прислал стихотворение? – Санатов налил себе вторую чашку чая. – Ты его собираешься искать?

– И тут загвоздка. – Михаил кивнул на свой прибор: попросил долить в чашку кипятку. – Наиболее логичное предположение – написал один из оставшихся в живых членов экспедиции.

– Который молчал сорок лет? – произнесла Светлана.

– Угу, – согласился Михаил. – И скрывался под чужим именем. В Советском Союзе. Где вся и всё находилось под контролем. Где, прояви он малейшее, неправильное телодвижение, его могли тут же вычислить.

Санатов покачал головой:

– Ещё более глупая версия, чем с золотом.

– Не настолько... – отозвался Мишка. – Если принять факт, что ему могли помочь с документами. Либо те же самые уголовники. Либо...

– Думаешь, ему помогли скрыться органы? – Санатов прищурился.

Дмитриев выдохнул сокрушённо:

– Опять же вопрос, – к привязке органов: а не проще ли было в таком случае избавиться от свидетеля? Вместе со всеми?.. Только по какой-то неизвестной причине не избавились.

– Сообщник?

– Сначала я тоже так думал. Ещё когда был у Урманского. Но не сходится, – развёл руками Михаил. – Получается, преступники должны были заранее подготовиться. Просчитать все ходы. Подобрать проводника, подsunуть его отцу в нужный момент. То есть они должны были знать о выходе экспедиции как минимум за несколько недель. А исходя из рассказа следователя, проводника подрядили на работу в тот момент, когда группа уже находилась на месте, в районе Новокиевского Увала.

– По данному поводу проводник мог и сбрехать, – заметил хозяин квартиры.

– Мог. Но есть второе обстоятельство. От Норы группа повернула к Гилюю. Самостоятельно. И никто, даже начальство, не смогло на отца повлиять в праве выбора. Откуда проводник мог знать точный маршрут? Как преступники заранее смогли просчитать, куда направится группа?... Наконец, третье. Помнится, следователь сообщил, будто никто, кроме отца и начальника управления, об истинной цели экспедиции не имел ни малейшего понятия до их выхода. Официальная версия разведки: уголь. А из-за угля криминал не стал бы идти на убийство. Так что вариант предварительной подготовки к убийству полностью отпадает.

– А если преступник – из руководства геологоразведки? – не сдавался Санатов.

– А уход на Гилюй? – Мишка скептически покачал головой. – И потом... Рисковать тёплым, прибыльным, насиженным местом, поставив под угрозу настоящее, ради эфемерного будущего? Крайне сомнительно. Отец мог и не найти золота.

– Слушай, – Санатов приподнял чашку с чаем, но пить не стал, – а почему мы решили, будто тот человек, который прислал стихотворение, живёт под чужим именем?

– То есть как?

– Очень просто. Сам только что говорил: в СССР всё было под контролем. Твой отец находит золото. Докладывает наверх. Там не дураки, сразу сообразили, что можно с этого поиметь. Схема проста для тех времён. Место в столице. Орден на грудь. Тёплое кресло в главке. И не нужно искать стоматологов. Всё само к тебе стечёт. И власть, и деньги. А твой батя сопротивлялся. И в результате...

– Но жилы-то оказались слабые, – заметил Дмитриев.

– А когда про это узнали? Спустя десять лет? То-то. Нет, это ещё одна версия происшедших событий...

– Какой смысл убивать людей? Достаточно было отправить отца в Азию, в Сибирь, куда угодно, на поиски новых руд. Отчёт положить в стол. А через несколько лет вытянуть и подать, как ты выразился, наверх под своим именем. Просто и надёжно.

– Но ведь кто-то, чёрт возьми, вам прислал послание из прошлого! – вспыхнул Санатов. – Кто-то захотел, чтобы вы встретились, собирал о вас информацию. И этот кто-то знает очень многое о тех событиях.

– Это мог быть и не член экспедиции, – спокойно парировала на этот раз Виктория. – Это мог быть человек из главка. Который, предположим, курировал группу, что-то знал, но в тот момент не помог. Испугался. Струсил. А теперь совесть замучила. По всем меркам, он уже старик. А старики – сентиментальные.

– Ладно, – устало отмахнулся Дмитриев, тем самым как бы прекращая спор. – Я что приехал. Как думаешь: пройтись от водохранилища вверх по Гилюю есть смысл?

– По Гилюю... – Санатов задумался. – Хочешь найти останки экспедиции? Гиблое дело. Особенно после того как в море запустили шуку. Охотники, рыбаки...

– Это я и сам знаю. Но вдруг... Чем чёрт не шутит.

– Чёрт шутит, и очень даже часто. А прогуляться? Отчего бы нет? Я и сам думал съездить на рыбалку. Только у меня отпуск заканчивается. Всего десять дней осталось. Так что выехать нужно максимум дня через два. – Хитрый взгляд Санатова стрельнул в супругу. – Заодно и родственников в Зее навестим.

– Вот шалапут! – Светлана с трудом сдержала улыбку. – Как хитро подъехал. Прогуляться... Мишка, да как только ты обо всём рассказал, у него уже эта мысль в голове прокрутилась. – Мягкая рука женщины приложилась к седеющему рыжему ёжику на голове супруга.

– А собратысь успеем? – скептически заметил Дмитриев.

– Без проблем! – Серёга легко поцеловал жену в локоток. – Созвонюсь с Галкиным зятем. Он новый движок на свою плоскодонку купил, «Ямаха» – зверь! На Гилюе за два часа будем. Вика, а вы с нами?

Санатов произнёс вопрос как бы между прочим, вскользь. Но с хитринкой во взгляде. Чем и привёл девушку в смущение.

– Не знаю. Я как-то не думала... – Час назад она была полна решимости рвануть в поисках папы хоть на край света. Но сейчас, когда перспектива поездки стала реальной, вся уверенность будто испарилась.

– А что тут думать? – Серёга пригладил рыжие усы. – Когда ещё выпадет случай побродить по тем местам, где ходил ваш отец. Да и кислорода надышаться всласть...

Хозяйка дома повернулась к госте:

– А вы поезжайте с ними. Они хоть и балаболы, но мужики нормальные. Только, Серёжка, смотри, – маленький женский кулачок свернулся перед носом мужа, – узнаю про спиртной балласт – ты меня знаешь!

– Светочка, – руки мужа вновь обвили стан супруги, – да мы же... по делу. Но не без греха. Опять же воздух...

– Я тебе такой воздух устрою – не надышишься.

– Вот так всегда... На самом интересном месте! Ну, что, Мишань, ещё раз звоним СЧХ?

* * *

Благовещенской ветке. Исходя из записанного разговора в такси, можно сделать вывод: в Благовещенске «работает» человек Савицкого. Приказ: предпринять все меры для изоляции вышеуказанного субъекта.

* * *

Подполковник Щетинин Сергей Викторович, или, как его после одной смешной истории называли в ближайшем окружении, СЧХ, с последней встречи с Дмитриевым практически не изменился. Разве что седых волос прибавилось в густой, на зависть Михаилу, шевелюре. Да под глазами появились мешки то ли от недосыпания, то ли от излишних возлияний. Но в целом СЧХ оставался таким, каким Дмитриев его помнил последние лет двадцать. Худой, жилистый живчик, с энергией, бьющей из хитроватых, прищуренных глаз. Жёсткая щетина усов всё так же горделиво топорщилась над верхней губой. А пальцы правой руки, большой и указательный, всё так же, в силу привычки, разглаживали их во время разговора. И вкусы остались прежние. На столе перед Щетининым лежала раскрытая пачка сигарет, поверх которой хозяин кабинета положил зажигалку.

Пока Щетинин рылся в столе, Дмитриев осмотрелся. На личные апартаменты старого друга, человека беспокойного и подвижного, данная обстановка никак не походила. Слишком уж она была «правильной». И кресла мягкие. И портретики президента на стене и на столе: чин чинарём. Как положено. И три телефона. И пепельница хрустальная. К СЧХ, который двадцать с лишним лет пробегал опером, сей стиль шёл как корове седло.

Подполковник наконец закончил рыться в ящичке стола, разгладил усы, от чего те не стали меньше топорщиться, и положил на стол толстую папку, перевязанную серыми тесёмками.

– Покопался я в твоём деле. Кофе будешь?

– Нет. Что нашёл?

СЧХ встал, вышел из-за стола, присел рядом с Михаилом. Развязал на папке тесёмки:

– Начнём с первого, и главного, вопроса, который ты мне задал. Проводник, который сопровождал экспедицию твоего отца, умер. Давно. В девяносто шестом. Остался сын. Учитель в местной школе. Проживает по тому же адресу. Никаким особенным бизнесом ни покойный, ни сын не занимались. Ни во времена «перестройки», ни в последнее время.

– Друзья покойного?

– Все уже того... На небесах облака топчут.

– Их киндеры?

– Я проверил. Ни то ни сё.

– Выходит, ни папаша, ни сынок золотишком не воспользовались?

– Скажем иначе: судя по всему, у них никогда того золота и не было, – уточнил Щетинин, откинувшись на спинку стула. – Самое идеальное время в нашей истории для реализации «горячего рыжья» – девяностые годы. Тогда, как помнишь, можно было творить чёрт-те что. И не только с золотом. Однако ни старик, ни его друзья моментом не воспользовались. Значит, не врал, что не брал.

– Я могу увидеться с сыном?

– Естественно. Мало того, предлагаю поехать вместе.

– Всё-таки имеются подозрения? – выдохнул Дмитриев.

– В отношении проводника – нет. Меня тут другой вопрос заинтересовал. Очень любопытный. Надеюсь, сын эвенка даст на него ответ. Или подскажет, где его найти. – СЧХ быстро

извлёк из папки лист бумаги, который оказался оригиналом, серым от времени и на вид тухлявым, уже знакомой по беседе с Ельцовым карты местности. – Видел такую картинку?

– Да. И что?

– А то. Я, конечно, не геолог. И в этих делах почти ничего не понимаю. Но на охоту и на рыбалку временами, как ты помнишь, похаживаю. Да и киношку всякую люблю про природу посмотреть.

– К чему клонишь? – не сдержался Михаил. – Не тяни.

– Когда по твоей просьбе я взял из архива дело и перечитал его на досуге вечером, у меня тут же появилось два вопроса, которые по непонятной причине в ходе следствия не были никому заданы. И начну со второго: как так получилось, что этого обстоятельства не заметили в главке геологоразведывательного управления?

– В главке много каких моментов не заметили! – не смог сдержаться Дмитриев. – И не только в главке.

– Ты о протоколе? – СЧХ почесал кончик носа. – Прокололись. Согласен. Так мне продолжать или будем моему ведомству косточки промывать?

– Продолжай.

– Тогда поехали. – Пальцы следователя прошлись по усам, после чего извлекли сигарету из пачки. – Я, может, чего-то «не догоняю». Потому и хочу услышать вразумительное пояснение от сына проводника. – Фильтр сигареты ткнул в карту. – Пять... Всего пять человек уходят в геологоразведку. Смотри. – Фильтр, зажатый промеж пальцев следователя, пошёл гулять по карте. – Из Новокиевского Увала группа идет вверх по течению Селемджи, к истокам Норы. В поисках золота. Правильно?

– Ну...

– Не нукай. Не запряг. Это километров двести, не по асфальту. По тайге. Буреломы. Болота. Мелкие речушки. То есть медленно идут. Во время марша находят самородки. Вот здесь, – на этот раз фильтр заменил указательный палец, который прижался к бумаге, – место стоянки на Норе, как показал следователю проводник. Двое суток отдыха. После чего группа резко, почти на девяносто градусов, сворачивает в сторону Гилюя. И марш-броском направляется к Зее, к хребту Тукурингра. А это ещё порядка восьмидесяти км. И вот теперь я задаю тот самый первый вопрос, на который не отреагировали ни в главке, ни в «конторе», ни у нас: почему экспедиция почти триста километров отмахала за каких-то полтора месяца? Почему так быстро передвигалась? Не экспедиция, а кросс по пересечённой местности. Какие при таком передвижении могут быть изыскания? И что они в таком случае искали? По какой причине группа резко сменила маршрут?... Ну, и возвращаемся к уже знакомому вопросу: почему в главке не было реакции на все вышеперечисленное, или им закрыли рот?

– Думаешь, сын проводника знает ответы?

– На все – нет. Но надеюсь, хоть как-то сможет прояснить ситуацию. Если, конечно, у него были доверительные отношения с отцом. Ну, а если нет... По крайней мере, прогуляюсь. А то засиделся в кабинете.

Михаил встал, сунул руки в карманы. По-мальчишески, глубоко, всем кулаком.

– Вообще-то, сменить маршрут на Норе была инициатива отца.

– Ты в этом уверен? – вопросы из СЧХ посыпались, как из рога изобилия. – В таком случае почему твой отец не пошёл выше по карте, к Арге, где, к слову сказать, тоже было найдено золото в конце семидесятых? И значительно больше. Следующее. Обрати внимание, как твой отец пошёл к Гилюю. Стремительно! Будто за ними гнался кто-то. – Щетинин перевёл дыхание. – У меня даже мелькнула мысль, будто их действительно преследовали. Но в таком случае зачем было отказываться от отдыха в Зее? Почему, зная, что за тобой следят, тем не менее оставаться «в поле»? Нелогично. – Подполковник прикурил, с наслаждением затянулся дымом на всю глубину лёгких. – Я просмотрел все записи радиосообщений. И ничего в них

не нашёл. Даже намёка на тревогу. Экспедиция в составе всего из пяти человек с сумасшедшей скоростью покрывает дальние расстояния в поисках золота, практически не производя разведки? – Щетинин покачал головой. – Я так думаю, те самородки вообще были случайно найдены твоим отцом. Так, валялись по дороге, вот он их и подобрал. Для отчётности.

По спине Дмитриева пробежал холодок.

– И к какому выводу ты пришёл?

Глаза-щёлочки СЧХ сверлили друга.

– Думаешь, искали что-то другое? – Михаил не знал, как продолжить мысль.

– Именно! – СЧХ понизил тон. – Иная цель стояла перед твоим батюшкой. Не «рыжьё».

Золото, как и уголь, версия официальная. А вот что на самом деле должна была найти экспедиция – вопрос. Потому и закрыли рот управлению геологоразведки. Я не очень надеюсь на то, что проводник мог что-то узнать, но охотники – мужики наблюдательные. Авось эвенк что-то да приметил. И, опять же, авось что-то рассказал сыну. Потому и хочу с тобой поехать.

Дмитриев облизнул губы.

– А если отец работал не на главк, а, предположим, на Министерство обороны? Потому управление и не отреагировало?

– И такая мысль приходила мне в голову. – СЧХ принялся разминать в пальцах сигаретную пачку – первый признак задумчивости. – Если так, ответа никогда не получим. Как и подтверждения. Только, опять же, вопрос: что им могли поручить найти? Урановую руду?

– Несмешно.

– Согласен. – СЧХ, не выпуская пачки из рук, тяжело опустился на стул.

– А если пообщаться с теми, кто тогда работал в главке геологического управления? – нашёлся Дмитриев. – Вдруг что вспомнят?

– Вряд ли, – рука Щетинина хлопнула по старой серой папке. – Из тех, кого допрашивали в шестьдесят девятом, в живых осталось двое. Были мелкими сошками. – Мишка вскинул голову, но СЧХ отмахнулся. – Один уехал в Израиль. Второй парализован.

* * *

Загадочная история произошла не так давно в Гизе неподалеку от Каира. Несколько итальянских археологов обнаружили там захоронение египетского фараона и его жены. Расшифровав надпись на надгробии, они узнали, что «великая богиня Исида трижды покарает всякого, кто посмеет осквернить эту могилу». Ученые не восприняли угрозу всерьез и расковыряли всю пирамиду, прихватив с собой не только все вещи фараона, но и мумии сановной четы. Возмездие не заставило себя ждать. Накануне отъезда в Италию отличавшийся крепким здоровьем руководитель экспедиции внезапно скончался от сердечного приступа. Через два дня его ближайший помощник умер от укуса змеи, выползшей из-под развалин старого дома. Поезд, в котором другие члены экспедиции везли находки, сошел с рельсов. Выжить в катастрофе никому не удалось, а мумии и сокровища из пирамиды бесследно исчезли.

Исследователи и авантюристы в течение долгих лет, невзирая на предостережения, вскрывали гробницы и растаскивали найденные реликвии по разным уголкам земного шара. Недавно газеты оповестили...

«Интересная газета» № 2(89), 2001

* * *

– Докладываю. По адресу: Моховая падь, 24, квартира 95 на данный момент проживает семья Санатовых. Три человека.

Из наших объектов с ними знаком «первый»: вместе с главой семьи, Сергеем Санатовым, трудились одно время на фирме «Амурполиграф». С 1987 по 1999 год. На данный момент Санатов работает в частном предприятии по изготовлению мебели (к нашему делу данное предприятие никакого отношения не имеет). Увлекается охотой и рыбной ловлей. Есть родственники в Зее: родная тётя Светланы Санатовой по материнской линии с дочерью и зятем. Судя по всему, «первый» объект собирается взять Санатова в качестве сопровождения в Зейский район: Санатов ранее неоднократно посещал интересующий нас квадрат в заданном районе реки Гиллой.

Жена Санатова, Светлана, преподаватель Амурского государственного университета. Организатор и директор Всероссийского конкурса молодых дизайнеров одежды. В связи с производственной необходимостью и занимаемой должностью Санатова часто выезжает в командировки как по России, так и за рубеж. Дочь Санатова, Наталья, визажист. Принимает участие в различных конкурсах всероссийского уровня. Постоянное место проживания – Петербург. К родителям приехала в отпуск.

По причине многоконтактности как жены Санатова, так и дочери появляется возможность прямой, неконтролируемой утечки информации как внутрь России, так и за рубеж.

* * *

Пока Дмитриев, спрессовав ладони рук коленями, тарасился на сына проводника-учителя, тот достал из морозилки холодильника оленину, настрогол её тонкими ломтиками. На столе к тому часу уже возвышалась бутылка водки, вокруг которой стояли стопки, старые, граждённые, а в глубоких тарелках разместились разная снедь в виде варёной картошечки, копчёной колбаски, свежесорванных с огорода овощей.

– Как говорят в таких случаях, что Бог послал. – Учитель обвёл стол глазами. – Гости у меня бывают редко. А потому любая встреча – праздник. Особенно с такими людьми. Не побрезгуйте.

Щетинин почесал себя за ухом, тяжело перевёл дух, после чего извлёк из нагрудного кармана рубашки распакованную пластинку «фестала»:

– Эх, мать моя, родина... Дожили, такую закуску химией заедать! А иначе никак...

Хозяин дома разлил водку по стопкам:

– Давайте, – умный, пронзительный взгляд эвенка устремился к Михаилу. – За встречу.

Дмитриев всё пить не стал, чуть пригубил: организм не желал принимать спиртное. И снова бросил косой взгляд в сторону обрусевшего сына охотника.

СЧХ, заметив пристальный взгляд Дмитриева, понял: застолье застольем, но разговор начинать пора.

– Иван Иванович, отцу имя «Иван» дали в детском доме? – для порядка поинтересовался следователь.

– Там, – утвердительно кивнул головой сын проводника. – Он родителей не помнил и говорил плохо, даже имени произнести не мог. Вот в шутку не помнящего родства кто-то Иваном и назвал.

Учитель рассмеялся. Михаил увидел редкие, жёлтые, прокуренные, но достаточно крепкие зубы.

– Ну, ладно. – Рука СЧХ потянулась за рыбой. – Не за тем приехали. Отец вам рассказывал о том, как он проводил экспедицию в конце шестидесятых?

Хозяин дома вгрызся локтями в стол.

– О пропавших-то? Конечно, рассказывал. – Учитель, после секундной паузы потянулся к бутылке со спиртным.

Мишка отметил, как отозвался эвенк: не «убитые», а «пропавшие».

– И о чём поведал?

– Немного. – Эвенк разлил водку по стопкам. – И то в общих чертах. – И первым, ни с кем не чокаясь, осушил сосуд. – Его тогда следователи так прессанули, всю оставшуюся жизнь оглядывался, – взгляд хозяина перекинулся на Щетинина. – Ведь его ваши чуть было не посадили. Даже дело возбудили...

– Знаю. – СЧХ поднял стопку. – Как открыли, так и закрыли. – Водка перетекла в глотку следователя. – Может, после второй перейдём на «ты»? Мы приехали не на допрос.

– Валяй, – согласился учитель.

– Молодец! По-нашему, без выкрутасов. – СЧХ заел спиртное огурцом. – О чём конкретно отец вспоминал? К примеру, рассказывал, почему группа решила идти к Гилюю?

– Нет, – речь хозяина текла уверенно, не оставляя сомнениям никакой лазейки. – Но он, помнится, предлагал начальнику экспедиции идти к Арге. Там по прямой оставалось бы километров семьдесят. Тот отказался. Двое суток просидели на Норе, после отец, по приказу начальника, повёл их к Гилюю.

– А почему твой батя предложил идти к Арге? – тут же перебил СЧХ.

– Так ведь начальник, когда нашёл золото, тут же проговорился, мол, вот уже есть что предоставить для отчёта. Отец и решил, будто они искали именно золото. Потому об Арге и вспомнил. Решил подсказать: там, по слухам, кто-то даже на жилу наткнулся.

– Отца не удивило, что не послушали его совета, а свернули к месту, где золота вообще нет в природе?

– Нет, не удивило, – спокойно отозвался учитель. – Отец уже на Норе понял: экспедиция ищет вовсе не бесовский металл.

– Какой-какой? – СЧХ чуть не поперхнулся.

– Бесовский, – пояснил сын проводника. – А как иначе назвать? Вон и отец из-за него чуть было за решётку не угодил.

– Поподробнее!.. – Михаил еле себя сдерживал.

– О чём? О золоте?

– Нет, о подозрениях.

Хозяин, ни на кого не глядя, принялся разливать спиртное в третий раз:

– На Норе никто и никогда самородков не находил. Места известные, истоптанные. И тем не менее группа сделала привал на двое суток. И не просто привал. Они что-то искали. Посменно. Первая группа уходила утром, вторая – после обеда. Как на Граматухе. Только вот ваш отец, – эвенк бросил взгляд на Михаила, – работал и с первыми, и со вторыми. С утра до ночи. Брали с собой лопаты, кирку, какие-то приборы. Вроде измерительные. Незнакомые. Приходили, как говорил батя, уставшие. Но незлые. Нераздражённые. Значит, что-то нашли. Но с собой ничего и никогда не приносили. Как с лопатами уходили, так с ними и возвращались. А после бац – сорвались с места и на Гилюю. И снова порожняком.

– По дороге привалов не было?

– Только на ночёвку.

– А на Гилюе? Что произошло там? – Михаил отказался пить. Водка не шла в горло.

– Вы дело полностью читали? – после небольшой паузы поинтересовался хозяин, глядя на Михаила.

– Я читал, – отозвался СЧХ.

– Это понятно. А вы?

Мишка утвердительно мотнул головой. Язык во рту словно свинцом налился: стал тяжёлым, неподъёмным.

– Так вот, – продолжил мысль учитель. – То, что записано со слов отца в том протоколе – враньё. – Вилка нервно звякнула о тарелку. – Его заставили дать показания, будто он сразу покинул группу, как только они вышли к Гилюю. На самом деле он был с ними ещё два дня.

– Кто заставил соврать? – моментально отреагировал подполковник.

– Следователь. Сначала отец принялся излагать версию того, что было на самом деле. А через день на него надавили, чтобы изменил показания. Мол, ничего не видел, ничего не знаю. Потому дело против отца и закрыли. А заартачился бы – загремел по полной.

– К следователю вернёмся. – СЧХ теперь напоминал пса на охоте: старого и опытного. – Что было на Гилую?

Четвёртая стопка приподнялась и со стуком опустилась нетронутой на столешницу.

– Ещё когда стояли на Норе, отца не покидало чувство, будто они на реке не одни. – Слова тяжело падали в стол. По крайней мере, так казалось Михаилу. – Нет, никаких явных признаков он не заметил. Но батя – таёжник, тайгой жил, тайгой дышал. Ему и замечать ничего не нужно было. Порами тела чувствовал присутствие постороннего. И не зверя. Это его сильно напугало. Незнакомец был опасен, потому что, как и отец, чувствовал себя в лесу как дома. Правда, когда шли к Гилую, он вроде пропал...

– Слежки не было, – уточнил СЧХ, на свой лад. – Дальше.

– А на Гилую наткнулся на подтверждение подозрений. На рассвете шагах в тридцати от лагеря обнаружил след сапог. Двух человек. Опытные были людишки. Мало того, что передвигались только по ручью, так ещё и сапоги обвязали оленьей шкурой. Примять след. Но в одном месте ошиблись. Наступили в темноте на глину. И не заметили. Не замаскировали след. Отец тут же сообщил об этом начальнику.

– И тот?... – не сдержался Михаил.

– Ближе к вечеру отправил отца в Зею. Сказал, больше в его помощи не нуждается. Попросил, по дороге отвезти отчёт в управление. Батя не хотел оставлять экспедицию, но Дмитриев настоял. Вот, собственно, всё, что мне известно.

– Дмитриев испугался за твоего отца? Или как-то по-иному выказал свои эмоции? – СЧХ ждал ответа.

– Нет. Батя говорил, будто тот даже рассмеялся: мол, какие-то рыбаки напугали охотника. Словом, не поверил.

– Или наоборот, – тихо заметил Михаил, – если в тот же день отправил проводника в Зею.

– Теперь понятно, – СЧХ вытер усы салфеткой, – почему следователь заставил твоего отца отказаться от правдивых показаний. Запиши он слова старика в протокол, дело о пропавшей экспедиции пришлось бы переквалифицировать из дела о небрежности, иначе говоря, о случайной гибели группы, как это числится и по сей день, в уголовное, по подозрению в убийстве пятерых геологов. Висяк. Всё равно что себе приговор подписать. Непонятно другое: почему следователь пошёл на такой рискованный шаг? Без санкции выше...

СЧХ бросил исподлобья взгляд на друга. Михаил понял, Щетинин имел в виду недавний разговор о том, кому могла быть подчинена группа. Министерство обороны. Оно могло надавить на МВД, чтобы те закрыли дело за фактом небрежности. В этом случае многое сходилось. И повышенная пенсия, которую мать получала за отца, хотя факта его смерти никто не смог задокументировать. И нежелание следователей показать матери материалы дела в семидесятых. В эту логическую цепочку вписывалось и непонятное передвижение группы. Отец работал на оборону.

– Кстати, Вань, скажи, а твой батя, случаем, не поделился воспоминаниями, как они нашли самородки? – Вопрос СЧХ всплыл в сознании Михаила так неожиданно, что тот вздрогнул.

– Конечно, рассказал, – усмехнулся эвенк. – Милиции не рассказал. А мне рассказал. Как он говорил: раз милиция приказала молчать, то он обо всём и стал молчать. Начальник, мол, сам всё нашёл. – Учитель откинулся на спинку стула. – А самородки-то обнаружил папка. Да, да. Только не на земле они валялись. А завёрнутые в тряпочку. А тряпочка та находилась под кожушком. А кожушок, полуистлевший, был надет на останки умершего старателя лет эдак

с пятьдесят назад. Замёрз, судя по всему, бедолага, в тайге. Вот отец на него на Норе-то и наткнулся.

* * *

– *Дмитриев и Щетинин выехали в Новокиевский Увал. К сыну проводника.*
– *А разве эвенк не уехал на конференцию?*
– *Мы не успели оформить документы. Дело в том, что в облоно...*
– *Кретины!*
– *Мы отправили за ними нашего человека. Он проконтролирует...*
– *Он ни черта уже не успеет проконтролировать! Учитель должен был три недели провести здесь, в центре! Вам на это дали сутки, и вы за сутки ничего не сделали!*
– *Но сын – не отец. Он не может знать всего...*
– *Он знает достаточно! Пусть ваш человек проследит: поедут они на Граматуху или нет? Если нет, то ещё кое-что успеем исправить.*

* * *

– Я так понимаю, делу, которое лежит в милиции, верить уже нельзя. – Михаил положил на колени портфель, открыл его, вынул ноутбук. – Но в таком случае и весь рассказ декана геофака тоже подпадает под сомнение. Ведь они исходили из тех самых сфальсифицированных материалов, которые им выдало управление внутренних дел.

Тарелки, стаканы вмиг сдвинулись в стороны.

– Вот посмотрите, – Мишка распахнул зев экрана и через несколько секунд высветил цветную карту Амурской области, разрисованную путеводными пунктирными стрелками. – Это тот самый маршрут, который нам показал Ельцов. Они его скопировали со слов следователя. Он соответствует рассказам вашего отца?

Учитель извлёк из кожаного чехла очки, водрузил их на нос. Склонился над машиной. Тонкий палец, словно указка, медленно пополз по стрелке, нарисованной на мониторе. Михаил по памяти воспроизвёл в электронном виде маршрут экспедиции, который запомнил по карте Ельцова.

– Мы здесь... – Голос мужчины комментировал пройденный пальцем путь. – Вот Нора. Группа вышла к этому месту. Отсюда пошла к Зее... Всё правильно. За исключением одного.

Дмитриев напрягся. Палец учителя вернулся к точке на карте, которая именовалась Новокиевским Увалом.

– У вас получается, будто экспедиция вышла из Увала и тут же направилась к Норе. По прямой. На самом деле был крюк. Собственно, на карте он особо замечен не будет. И, может быть, о нём декан, с которым вы общались, знал, но не отметил. Крюк-то всего километров с тридцать.

– Что за крюк? – СЧХ тоже склонился над компьютером.

– Вот смотрите. – Твёрдый, как дерево, палец учителя снова принялся гулять по экрану. – Сначала отцу приказали плыть по Зее к Граматухе⁴. Кстати, она у вас вообще не отмечена. – Ноготь учителя чуть сместился по линии Зеи вверх. – Приблизительно здесь. Маленькая, но вредная речушка. Впадает в Зею. Экспедиция проскочила на моторке мимо Рыбачьего, это посёлок, и остановилась приблизительно... Вот тут. – Эвенк ткнул пальцем в экран и поднял взгляд на гостей. – Там, на Граматухе, они простояли трое суток. Во время стоянки, как рас-

⁴ Граматуха – речка, левый приток Зеи. Название русское, первоначально от «громкая».

сказывал отец, он на лодке возил начальника и по Граматухе, выше по течению, и по Зее, к Селемдже. Точнее, к ключу Джуркан. А уже после экспедиция пошла к Норе.

– Это точно? – спросил СЧХ.

– Точно. На Джуркане они ещё ночевали.

– А что они там делали?

– Не знаю. Отец не рассказывал.

Сергей прикусил ус:

– Ни о Граматухе, ни о Джуркане в деле нет ни единого слова. Чем же, интересно, занималась группа на Граматухе?

– Тем же, чем и на Норе. Что-то искали.

– Ерунда какая-то, – Дмитриев быстро пробежался пальцами по клавиатуре. – В этой местности ничего нет. Никаких полезных ископаемых. Здесь никогда не проводились никакие геологоразведывательные изыскания.

– И тем не менее отец утверждал, что твой папа, Михаил, несколько раз за те три дня уходил в тайгу вместе с Бородой и Профессором. – Слабая улыбка едва коснулась уголков рта хозяина жилища. – Так они себя называли промеж собой.

– Борода – потому что бородатый? – полюбопытствовал СЧХ.

Учитель утвердительно качнул головой:

– А второй постоянно читал у костра. И что-то писал в тетрадку. Глаза портил. Так батя говорил.

«Профессор скорее всего отец Вики, – решил Михаил. – Она сказала, будто тот захватил с собой несколько общих тетрадей. Смеялся: мол, напишет роман...»

– Они с собой брали инструмент? – продолжал опрос СЧХ.

– Лопаты и кирку.

– Уходили на целый день?

Утвердительный кивок головой.

– Ещё одно таинственное пятно в деле. – СЧХ с хрустом уничтожал очередной огурец. – Не нравится мне всё это. Очень не нравится. – Челюсти равномерно пережёвывали натурпродукт с огорода. – Предположим, экспедиция работала на оборону. И, опять же, предположим, искала, скажем, площадку для будущего космодрома.

– «Свободного»?

– Типа того. Изучали топографию местности. Делали разметки, для чего и взяли приборы. Только на хрена в таком случае рыть землю?

– Выяснить, какая почва?

– И что, ты лопатой и киркой выяснишь, есть ли на глубине в десять метров плавуну или нет? Твоя задача – заснять и отдать снимки. Всё!

– Вот и рыжий следователь, что допрашивал отца, тоже интересовался: делал Дмитриев фотоснимки или нет? – неожиданно вставил учитель.

– Точно спрашивал? – после секундной паузы переспросил СЧХ.

– Да. Зачем отцу врать мне?

– И снимки делали?

– Не знаю. – Эвенк повёл плечами. – Отец ничего не говорил о том, брали они с собой фотоаппарат или нет.

– Для изучения местности нужен теодолит, – заметил Мишка.

– Да, действительно, Ваня, твоему отцу врать было ни к чему, – выдохнул Щетинин, припоминая дело. – А вот рыжий следак почему-то соврал. Забавно, правда?

* * *

– Сообщение по Савицкому. В Читинской области, село Аннон-Борзя, проживает Гончарук Вера Васильевна, директор сельской средней школы. В девичестве – Гук. Во времена учёбы Савицкого в институте была старостой группы. Других контактов по Чите не обнаружено. Начинаем отработку в данном направлении.

* * *

Движок за кормой натруженно стучал, отбивая ритм километров. Старичок «Вихрь» старательно показывал хозяину лодки, что он ещё хоть куда и его рано списывать. В тех местах, где они сейчас проплывали, Граматуха ещё не оправдывала своё название. По крайней мере, грохота путники не слышали. Но течение было сильное, мощное. Старый движок с трудом справлялся с поставленной ему задачей.

Михаил склонился над бортом, зачерпнул ладонью холодную воду, сполоснул лицо. Полегчало.

– Вань, а ты в тех местах с отцом часто бывал? – Дмитриев достал платок, вытер лицо насухо.

– Мимо проходили, – перекикивая стук мотора, отозвался учитель. – И останавливались пару раз. Без ночёвки. Охоты там никакой. А рыбу лучше ловить в другом месте. Разве что бруснику пособирать. Так её и у нас, под домом, полным полно.

Сын проводника сам предложил свозить их к месту стоянки экспедиции. Никто за язык его не тянул, хотя у Мишки данная просьба сразу закрутилась в голове, как только услышал о Граматухе. Дмитриев перед отплытием даже испытал некое неудобство перед эвенком. Время тратит да и горючее. Но тот так открыто смотрел на мир, что Мишка успокоился: всё-таки здорово, что ещё сохранилась дальневосточная широта души! Хоть и не везде.

Щетинин тем временем, основательно устроившись в носовой части дюралевой плоскодонки, давал инструкции по телефону:

– Лёня, не в службу, как говорится. Достань-ка ещё разок папку Дмитриева. Да, того самого. Напомни, кто вёл дело? Сафронов, Гаджа, Нестеренко? Кто из них жив?.. Только Гаджа? Где проживает? В Южно-Сахалинске?.. Вот чтоб тебя... – Рука следователя с силой припечатала на шее назойливого шмеля. – Да нет, это я не тебе. А ты его помнишь? Кого-кого, Гаджу!.. Это ты у нас аксакал в управлении... Да на хрен мне его характер! Внешне как он выглядел? Рыжий? Слушай, а адреса его сахалинского, случаем, у нас нет? Есть? Замечательно! Запиши для меня. Ладно, будь! Завтра к тебе загляну.

Мобильник СЧХ исчез в кармане.

– А следователь-то, что твоего отца крутил, Иван Иванович, жив.

Фраза перелетела через лодку.

– А мне-то что? – вернулся ответ на нос посудыны.

– Да так. Ничего. Неплохо было бы увидеться с этим старичком. Уж он-то должен помнить, кто ему дал приказ изменить показания проводника.

– Думаешь, расскажет? – послышался недоверчивый голос с кормы.

– А почему нет? – Щетинин принялся ворочаться, подстилая под себя брезент. – Срок давности истёк. Можно о чём угодно рассказать. Сейчас уже иные времена. Союза нет. Тех, кто стоял за его спиной, тоже нет. Чего бояться? Тем более за правду ничего не будет. Кроме моей благодарности.

– Времена всегда одинаковые, – парировал учитель, направляя лодку в нужное русло. – Потому как людишки не меняются.

– Но власть-то другая, – не унимался СЧХ.

– Где? – Эвенк слегка тронул рукоять рулевого управления, и лодка вильнула вправо, повинаясь жесту хозяина. – Присмотрись, начальник. Лица, может, и поменялись, а фамилии мелькают одни и те же. Папаши ушли – сынки пришли. Ни хрена в этой стране не поменялось. И не поменяется.

– Откуда такой пессимизм?

– Оттуда. Мне вон пришло письмо из Москвы. На Всероссийскую конференцию молодых учителей пригласили. Лично! А наше областное министерство образования на дыбы встало: откуда, мол, у тебя приглашение? Кто это у тебя есть в столице? По телефону полчаса орали: мол, через голову прыгаю. И хрен они мне вместо командировки выписали. Потому как руководит данным учреждением дочка бывшего первого секретаря горкома партии. А папаша её получает пенсию республиканского значения и является депутатом областного Совета. Со всеми вытекающими отсюда бизнес-последствиями. А ты говоришь, времена не те...

– Сами виноваты, что в депутаты выбрали. Не голосовали бы за него – не имел бы он того, на чём сидит...

– Ага!.. – Учитель матюкнулся. – Из троих кандидатов два бандюгана, и этот – прохиндей. Выбирай!

Мишка решил не встревать в разговор. Откинулся на борт судёнышка, прикрыл рукой глаза от солнца. Мысли крутились вокруг одного. Может, действительно, отец работал на Министерство обороны, потому следствие и зашло в тупик?.. Зубы скрипнули сами собой. Может быть, и так. Но отец погиб. Странно погиб. И преступление осталось нераскрытым. А это значит, кто-то должен ответить. Точнее, не кто-то, а конкретные люди. Те, что послали отца в тайгу. Независимо от того, носили они гражданскую одежду или золотые погоны на плечах. Пусть через сорок лет. Пусть нефизически. Пусть морально. Но ответить. Даже если это и Министерство обороны.

* * *

– Группа вылетела в Читу. Я могу высказать своё мнение?

– Естественно.

– Меня настораживает её состав. Почему в группу вошли только люди из «Гюрзы»? Нет ни одного нашего человека. К тому же без моего ведома? Насколько помнится, за ход операции отвечаю я лично.

– А никто с вас ответственности и не снимает. Именно по этой причине я и отдал приказ сформировать состав команды исключительно из «спецов». Изыскательными работами наши люди заниматься не умеют, будут только мешать. Но они находятся в вашем полном подчинении. Вторично допустить ошибку, как с Савицким, мы не имеем права. И если у них выйдет прокол, то, по крайней мере, это не падёт на нас.

– Перестраховка?

– Да. Не хотелось бы класть свою невинную голову на плаху.

– Савицкий будет ликвидирован?

– С чего вы это взяли?

– Показалось.

– Перекреститесь.

– До недавнего времени мы старались по максимуму обходиться без мер физического воздействия.

– Вот это вы точно подметили. Именно до недавнего времени. Однако сегодня информация постоянно и, к сожалению, неконтролируемо просачивается. Нам очень бы не хотелось,

чтобы слухи из жёлтой прессы превратились в сенсацию на первых полосах страниц. А благодаря Савицкому это может произойти. Вы со мной согласны?

– В какой-то степени...

– Значит, вы поддерживаете моё решение? Не слышу ответа!

– Да.

– Иного и не ждал.

* * *

Лодка мягко, с шорохом ткнулась в песчаное дно пологого берега. Учитель первым спрыгнул на землю, привязал плоскодонку к лежащему у воды стволу погибшей сосны.

– Тут, что ли? – поинтересовался СЧХ, переваливая тело через невысокий борт судна.

Сын проводника махнул рукой в сторону пролеска.

– Там, рядом.

Идти действительно оказалось недалеко. Шагов через сто перед путниками, внутри соснового сухостоя, открылась заросшая кустарником прогалина.

– Здесь лагерь стоял. – Эвенк присел, похлопал рукой по земле. – Отец показывал именно это место. – Учитель поднялся и указал рукой в нужном направлении. – А вот в ту сторону они уходили. Все три дня.

У Дмитриева запершило в горле. Он долго смотрел в стену из сосен, которые своими стволами скрывали маршрут экспедиции, после чего спросил:

– Кто выбрал место стоянки?

– Твой батя, – уверенно отозвался Иван. – Отец говорил, сверялся по карте.

– Любопытно.

Щетинин прошёлся по прогалине, внимательно глядя под ноги. Сорвал несколько ягод брусники:

– Кислые. Не дозрели. – И потянулся за новыми ягодами. – А как далеко они могли уйти от лагеря? – Сергей задал вопрос чисто риторически, прекрасно понимая, никто на него ответить не в состоянии.

Учитель повёл плечами.

– Кто ж знает... Может, пять, а может, десять километров. Это если по прямой. А если куда сворачивали, то... тайга.

– А что находится в той стороне, куда они ориентировочно направлялись? – СЧХ мотнул головой в сторону сосняка. – Или находилось? Прииски? Разработки?

– Ничего, – снова уверенность в голосе учителя. – Абсолютно.

– И что, больше ни одна экспедиция здесь не проходила?

– Археологи были. Раза три. Пять лет назад приезжали на Граматуху. А геологи... Не припомню.

– Может, прогуляемся? – Мишка махнул в направлении леса.

СЧХ сжевал очередную порцию ягод, поморщился:

– Если бы знали, что искать. А так – ноги бить... Лучше открой комп, посмотри, что там пишут об этих археологах.

Михаил упал на траву, достал ноутбук, принялся за работу с поисковиком. Щетинин тоже присел на землю.

– Это ж сколько километров экспедиция крюк-то сделала? Считай, без Граматухи было двести восемьдесят. Да с Граматухой тридцать. Почти триста кэмэ резвой рысью! Ни хрена себе, геология... – С последними словами Щетинин принялся размахивать рукой, отгоняя настырную мошкарку.

Сын проводника промолчал. Сунул руку в карман, извлёк пузырёк с жидкостью.

– Намажься. А то комарё сожрёт. Вернёшься в город пятнистый, как олень.

СЧХ принял совет к действию.

– Раньше люди жили в согласии с природой, – заметил учитель. – Потому и комар был не такой злой. Понимал: собрат ему кровь дарит, а не враг. Оттого и брал мало. В меру. А сейчас... Что о мошкаре говорить, когда люди сами себя готовы поубивать, за просто так.

СЧХ исподлобья посмотрел на эвенка: философ.

– Есть! – Мишкин голос оборвал едва не сорвавшуюся с уст СЧХ едкую реплику. – Нашёл! Действительно, три археологические экспедиции. Даже название придумали: «Граматыхинский археологический заповедник». Так... Обнаружен могильник, которому приблизительно около полутора – двух тысяч лет. Найдены фрагменты древних глиняных сосудов. Костяной наконечник от стрелы. Много фрагментов керамики. По углам могильника – черепа свиней: явный признак того, что в этом могильнике был похоронен один из членов племени мохэ.

– Кого? – не понял СЧХ.

– Мохэ, – Дмитриев развернул монитор в сторону подполковника. – Воинственные племена, в короткий срок заселившие Приамурье и Приморье более полутора – двух тысяч лет назад.

– И всё? – тускло поинтересовался СЧХ.

Мишка пожал плечами.

– Найден элемент первобытной живописи. Наскальный рисунок оленёнка.

– Это там, – махнул рукой эвенк вверх по течению Граматыхи. – Я видел.

– Оленёнок не подходит. – Щетинин откинулся на спину. – Впрочем, как и вся эта историческая хренотень... Слушай, – он оперся на локоть, – а может, там были золотые изделия, а? Что, если твой отец искал украшения? Чёрная археология?

– Думай, что говоришь! – обиделся Михаил.

– Извини. Вырвалось как рабочая версия. Хотя, если бы кто захотел таким делом заниматься – уходил бы втихаря, в свой отпуск. – Кулак СЧХ с силой опустил на траву. – Но ведь что-то же они с лопатами искали! Копали! Рыли... Три дня! И два на Норе. Капитан Флинт здесь, что ли, клады зарыл?

– А вот это интересно. – Михаил вновь оторвался от экрана. – Смотри! Археологических экспедиций в районе Граматыхи в шестидесятых годах было две. Первая – в шестьдесят первом. А вот вторая – за год до появления в этих местах отца.

– И что?

– А то, что в шестьдесят восьмом с Граматыхи вторая экспедиция отправилась к истокам Норы. Однако, как пишет «Исторический вестник», быстро была свёрнута и возвращена на Большую землю. И обеими экспедициями, прошу заметить, руководил профессор Колодников. Более на Граматыху академик не ходил. Скоростижно скончался в 1971 году... Может быть, я не прав, но, по-моему, это взаимосвязано.

– Что?

– А вот что.

Михаил развернул ноутбук. Сергей уткнулся в экран, на котором светилась следующая информация: «Альманах „Амур“. Содержание...»

– Не понял.

– Помнишь, я тебе рассказывал, как Урманский вспомнил содержание письма, в котором было стихотворение: автор настойчиво просил, чтобы тот стих был напечатан именно в этом номере!

– Это я помню. Что из того?

– А то, – палец Дмитриева тихонько постучал по экрану, – что в этом самом номере печаталась вторая часть воспоминаний академика Колодникова. Того самого Колодникова, кото-

рый руководил археологическими экспедициями на Граматуху и Нору. И который работал в институте в одни года с моим отцом! Сечёшь мысль? Незвестный, который прислал стихотворение, наверняка прочитал предыдущий номер альманаха и...

– То есть, – СЧХ прищурил глаза, – ты хочешь сказать, неизвестный прочитал первую часть воспоминаний академика и, зная, что в альманахе будет издаваться вторая часть, специально уговорил Урманского опубликовать стихотворение именно в этом номере?

– Точно! – Мишка от волнения упал на колени. – Колодников и отец скорее всего как-то были связаны... Может, академик поделился с отцом своими находками? Или нет. Не так. – Он нервно провёл ладонью руки по губам. – Колодникова вернули с Норы, ему не дали что-то найти. Вот потому он и предложил отцу решить его задачу. Под видом геологоразведывательной экспедиции. Получить разрешение в управлении для изысканий отцу было проще простого. По крайней мере, значительно проще, нежели Колодникову организовать новую археологическую экспедицию. Как тебе такая мысль?

– Рациональное зерно в ней есть, – вынужден был признать подполковник. И тут же скептически заметил: – Только встаёт два очень неприятных вопроса: кто был заинтересован в том, чтобы Колодников вернулся с Норы, и почему академик решил продолжить поиски чужими руками? А если ещё сюда приплюсовать враньё следователя, то картина вырисовывается очень даже неприятная.

* * *

– Простите, Галина Петровна Дмитриева?

– Да.

– Проверка состояния крыши, ЖКХ. Не протекает? Жалоб нет? Состояние карнизов удовлетворительное? Можно пройти посмотреть? Это ваша комната, с балконом? Так, состояние нормальное. В соседнем доме значительно хуже, хотя сдавались в один год с вашим. Так, можно ещё и из соседней комнаты выглянуть в окно? Что ж, неплохо. Так, Амурская, сто сорок, квартира пятьдесят восемь... Распишитесь, пожалуйста. Здесь и здесь... А ещё можно у вас попросить водички. Жарко! А у нас ещё пять домов. Благодарю!

* * *

При въезде в город СЧХ после долгого десятиминутного молчания поинтересовался:

– Так как, говоришь, зовут твою новую знакомую?

– Рыбакова. Виктория. А тебе зачем?

Дмитриев сидел вполоборота к Сергею, а потому видел, как морщины избородили его лоб.

– И живёт она, если не ошибаюсь, по Ленина? В «свечке»?

Мишка опешил от удивления.

– Точно. В четырнадцатэтажке. А ты откуда знаешь?

– Городок у нас маленький. И по должности положено. – СЧХ бросил взгляд на друга, рассмеялся. – Ладно, не дрейфь. Её двоюродный братишка у меня горбатится. – Его рука потянулась в карман за мобильным телефоном. – Санька. Племян её покойного отца.

Большим пальцем левой руки следователь быстро нажал несколько кнопок по памяти:

– Санёк, привет. Узнал? Хреново, значит, все богатства мимо пройдут. Занят? Нет? Тогда жду тебя по адресу: Амурская, сто сорок, квартира пятьдесят восемь. Пятый этаж. Второй подъезд со стороны улицы. Нет, брат, это не просто срочно. Это моментально срочно, потому как касается твоей семьи. Всё, отбой.

Телефон вернулся в карман.

– Зачем ты его вызвал? – Мишка отметил, как Щетинин вырулил на Калинина, одну из центральных улиц города, на приличной скорости, значительно превышающую ограничения. – И води осторожнее.

– Не бойся. Мне ходовую мастера переделывали. Тачку по винтикам перебрали, когда руль переустанавливали. Машина – зверь. Тяжёлая. Не перевернётся.

Джип, взвизгнув покрывками, вывернул на Амурскую, проскочил ещё два квартала и резко притормозил у обочины.

– Приехали. Выгружайся!

Михаил вылез из салона авто, потянулся. Дорога заняла три часа, а потому тело затекло и требовало движения.

СЧХ хлопнул дверцей, прислонился к капоту машины, распечатал новую пачку сигарет, закурил.

– Что скажешь матери?

– Не знаю. – Мишка присел на корточки, опершись спиной о нагретый металл машины. – Да и о чём говорить? Фактически ничего не выяснили. Так, догадки. Фактажа-то нет.

– Надеюсь, – Щетинин с силой втянул в себя сигаретный дымок, – после поездки ты не надумал протопать весь маршрут отца?

– А что? – Дмитриев бросил взгляд на свои окна. – Отпуск большой. Можно и прогуляться.

– Так я и думал. – Сергей швырнул недокуренную сигарету на землю и с силой придавил каблуком. – У тебя точно вместо мозгов моча. Нефильтрованная.

Мишка, чтобы хоть как-то сдержать себя, сунул руки в карманы.

– Опять хочешь встать на моём пути? Мало тогда показалось. Так ты и этим моментом хочешь воспользоваться?

– О, прорвало! – Щетинин тоже спрятал руки в карманы, встал напротив друга. – Наконец-то! всю дорогу ждал, когда тебя... Жрёт тебя старое изнутри. Ам-ам! Никак забыть не можешь! И как ты в Увале сдержался – понять не могу.

Кулаки Михаила в карманах сжались с такой силой, что он почувствовал, как ногти впились в кожу. Теперь друзья, стоявшие друг напротив друга, напоминали петухов перед дракой.

– А я и не сдерживался. Я действительно всё забыл. Вот только ты мне на мозоль специально наступил. – Дмитриев кивнул в сторону родной пятиэтажки. – Мать до сих пор не знает, в какой заднице благодаря тебе я сидел.

– Мне?! – голос СЧХ чуть не сорвался.

– А кому же ещё? Если бы твоя контора не полезла в наши дела, я бы не обанкротился.

– А не хрен было скрывать налоги и работать с «чёрным налом»!

– Да? – кулаки Дмитриева снова сжались. – Правильный, значит? А не твой ли бывший начальник потом пригрел моё дело? Меня сняли с рынка, а его сынку отдали моих клиентов? Или, скажешь, ничего про это не знаешь? Я с банком четыре года рассчитывался. За пустоту деньги отдавал.

– Не за пустоту, а за свободу. Или забыл, как тебя хотели посадить? Да если бы не я...

– Спасибо тебе, родимый! – расшаркался Михаил. – Благодетель ты мой... А я-то всё думал: и кого мне благодарить? Ведь точно: не посадили. Правда, обчистили как липку. Да так, что к матери пришлось переехать, а свою квартиру продать. Но ведь это не в счёт... Главное, друг помог остаться на свободе!

– Всё сказал? – набычился Щетинин. – Значит, на зоне тебе было бы приятнее находиться? Что ж, учту! В будущем.

Михаил зло сплюнул.

– Ладно, проехали. Можешь валить отсюда.

– А вот хер я куда тронусь! – СЧХ тоже сплюнул. – Вместе дело начали, вместе и закончим. И не рыпайся: без моей помощи всё одно ничего не найдёшь.

Мишка хотел было ещё добавить пару слов, но махнул рукой. Щетинин закурил.

– Будем гавкаться – себе навредим. Предлагаю: на время забываем старые обиды. По крайней мере, до окончательного выяснения обстоятельств. А потом – посмотрим, вместе или в стороны. – СЧХ протянул открытую ладонь. – Лады?

Дмитриев бросил взгляд на окна своей квартиры, взъерошил остаток волос на голове, хлопнул по протянутой руке.

– Лады.

СЧХ присел на капот, с силой затянулся сигаретным дымом.

– Лепота!

Мишка тоже прислонился к машине.

– Если честно, Серёга, я не думал, что так получится.

– А иначе и быть не могло. – Щетинин проводил взглядом одинокого, бездомного пса, медленно бредущего по улице в поисках пищи. – Меня, к твоему сведению, к делу-то не подпустили. Нашлась одна курва, доложила шефу о наших отношениях. Хорошо, ребята «сливали» информацию. Успел вовремя вмешаться. А то повесили бы твои соучредители всё на тебя – и засвистел бы на зону лет эдак на пять.

За джипом послышался визг тормозов.

– Сашка приехал, – констатировал Щетинин.

– У вас что, в ментовке, все так гоняют?

– Через одного. В соответствии со званием.

Майор Рыбаков оказался крепким мужиком, лет сорока, невысокого роста. Короткая причёска, высокий лоб, круглое лицо, открытый взгляд. Дмитриев протянул руку. Познакомились.

– Здесь будем базарить или поднимемся? – СЧХ указательным пальцем потёр кончик носа. – Как смотришь, тётя Галя будет не против?

Группа поднялась на последний этаж и задержалась перед дверью с номером «58». СЧХ кивнул в сторону звонка:

– Дави на клавишу.

Дверь распахнулась. Галина Петровна всплеснула руками:

– Господи, Серёжа!.. Давно у нас не был. Изменился-то как...

– Постарел? – СЧХ чмокнул женщину в обе щеки.

– Возмужал.

– Ну, хоть кто-то сказал правду. А то всё «постарел», «потолстел»...

Щетинин слегка приобнял женщину.

– Тётя Галя, а вот вы не меняетесь! Честное слово! Нисколько!

– Ну, рассказывай, как ты? Как Оля? Как Ванька с Алёнкой?

– Да нормально всё. Алёнка замужем. Скоро дедом стану. Ванька по моим стопам пошёл. В Райчихинской прокуратуре работает. А с Олей... мы в разводе.

– Слышала. – Маленькая женская ладошка несильно похлопала по мужской груди. – Дурак, ты, Серёжка.

– Сам знаю. Да уже не поменяюсь.

Мишка замахал руками:

– Мам, потом. Нам нужно поговорить. Мы пойдём ко мне. Лучше приготовь нам чего-нибудь покушать. Кстати, познакомься: майор Рыбаков, сослуживец Сергея.

СЧХ первым прошёл в знакомую с детства комнату, глубоко втянул в себя через ноздри воздух:

– Сто лет тут не был! – огляделся. – Ни черта не поменялось. Даже воздух тот же. Мишка, классные были времена. Помнишь?

Рыбаков, подчиняясь воле хозяина, разместился в кресле, что стояло напротив диван-кровати. Щетинин присел прямо на пол.

– А ты «бабинник» что, выбросил?

– А зачем хранить? Вон «сидюшник» есть.

– Жаль. – СЧХ обратился к майору: – Тётя Галя, когда этот олух был в пятом классе, подарила ему магнитофон. Да ты что... Deep Purple, Black Sabbath... – подполковник резко развернулся в сторону хозяина комнаты. – Помнишь, как мы приволокли гитару, врубили маг на полную громкость и пытались подыграть битлам?

Мишка почесал переносицу.

– Мне потом соседи так вломили...

Он прошёл к компьютерному столу, открыл его и на журнальном столике, на котором уже разместились тарелки, возвысилась запечатанная бутылка водки...

Через десять минут Сашка Рыбаков забыл о еде. Рассказ, который он услышал, потряс.

– Выходит, дядю Валеру всё-таки убили. А я, честно говоря, и не подумал заглянуть в архив.

– Я тоже не думал туда залазить, – отозвался СЧХ, пережёвывая картофель. – А теперь у меня в голове крутится иная мысль: можно ли это дело вернуть на дорасследование?

– Не получится, – тут же отозвался майор. – Не разрешат из-за срока давности.

– Сам знаю. – Щетинин тщательно вытер губы салфеткой. – И что делать?

Рыбаков задумчиво принялся водить вилкой по тарелке.

– Предположим, – начал рассуждать майор, – в Южно-Сахалинск я бы смог слетать. Пообщаться с этим....

– С Гаджой Константином Ивановичем.

– Вот-вот. Только мне нужна подстраховка на двое суток.

– На кой ляд тебе двое суток? – СЧХ потянулся к своему мобильнику, набрал знакомый номер. – Алло, Людочка? Щетинин беспокоит. Людок, скажи, вылеты на Сахалин в ближайшее время есть? Сегодня? Через три часа? А завтра? Хреново! Нет, это я не тебе. – Широкая ладонь сжала маленький аппарат. – Сегодня?

Майор повёл плечами.

– Давай. Домой заскочу, шмотки прихвачу, да и вся недолга. Но в управе...

– Управу беру на себя... Людок, нам нужен один билет. И обратно тоже. Обратно завтра? Замечательно! – Майор попытался было что-то сказать, но СЧХ отмахнулся от него. – Да, от моего имени подъедет товарищ. Да нет, свой, из управления. Ну... Естественно! – Мобильник исчез в кармане. – Сашка, не борзей. Это тебе не турпоездка. Суток с головой хватит. И в гости в Троицкое смотаться, и Гаджу раскрутить. Но его – в первую очередь! Нам обязательно нужно узнать, кто отдавал распоряжение свернуть дело? С какой стороны ветер дул?

* * *

– Вера Васильевна? Гончарук?

– Да. Что вам угодно?

– Мы из управления внутренних дел. У нас к вам несколько вопросов по поводу вашего бывшего одноклассника, Савицкого...

– Простите, я с вами незнакома.

– Это ничего не меняет. Мы бы хотели...

– Предъявите ваши документы!

– Товарищ директор, вы не понимаете, с кем вы...

– Я всё прекрасно понимаю. Таких, как вы, шелупонь вороватую, я столько на своём веку повидала... Так что насчёт удостоверений? Нет? А ну-ка, пошли вон! И чтобы духу вашего в школе не было! А узнаю, что следите за моим домом – вызову ОМОН.

– Вы об этом пожалеете!

– Дверь за собой закройте!.. Алло, Семён? Нужна твоя помощь. Тут ко мне только что два козла пришли. Что хотят – неясно. Врут, будто из милиции, а удостоверения показать отказались. Будь другом. Я пока пережду в кабинете, а ты вызови бригаду. Если действительно ваши – одно дело. А если, не дай бог, опять какие залётные. Сам понимаешь... Да, жду!

* * *

Наташка Санатова с силой распахнула двери и влетела в квартиру.

– С чего такая взбаламошенная? – удивилась Светлана.

– Ни с чего! – девушка крутанулась перед большим зеркалом в коридоре. – Мне только что сделали комплимент!

– Кто?

– Пойдём, покажу...

Наташка подбежала к открытому окну, дождалась, когда подойдёт мать, и указала пальцем на стоявший в тени раскидистого тополя внедорожник:

– Водитель. Очень симпатичный! – она прищёлкнула язычком. – И вчера тоже смотрел на меня. Когда вечером возвращалась с работы, зыркал в мою сторону.

– Это кто зыркал? – раздался за спиной весёлый голос Санатова. Сергей подошёл к своим женщинам, обнял их за плечи. – Кто тут строит глазки моей красавице?

– Да вон, – Света кивнула вниз. – Парни в джипе развлекаются.

– В каком джипе?

– Вон в том, – Наташка вторично указала на машину. – Они и вчера стояли.

Улыбка сползла с лица Санатова.

– А ну-ка, девоньки, марш от окна!

Сергей отогнал женщин, несколько секунд ещё смотрел на автомобиль, после чего принялся упаковывать мусорный пакет.

– Пап, ты чего? – Наташка с недоумением смотрела на действия отца. – Я же утром выносила.

– То утро, а сейчас вечер. – Сергей суетливо завязал полиэтилен и кинулся к двери.

* * *

– Сообщение из Читы. В Анон-Борзе местная милиция задержала наших людей. Первую группу. Нет, компрометирующих нас документов они при себе не имели. Да, молчат... Вторая группа через соседей Гончарук выяснила, что в доме директора школы на днях действительно проживал гость. Мало того, два дня назад он вместе с мужем директора, отплыл по Борзе на моторной лодке. В направлении Шилки. Да, «Гюрзу» послали.

– Ваши предположения по поводу того, куда направляется Савицкий?

– Если они будут использовать только реку, то выход один – по Шилке, до реки Могоча. Та впадает в Зею.

– Через сколько дней он может оказаться в городе?

– Суток через пять-шесть.

– Чем занимается этот Гончарук?

– Пенсионер. До того работал инженером в Чите. Строительные объекты для воинских частей.

– С местностью хорошо знаком?
– Со слов соседей, охотник и рыболов. Неоднократно выходил на лодке к Зее.
– Значит, маршруты знает. Установите посты в районе Зеи. Как только Савицкий останется один – задерживайте. Гончарук не трогать.

* * *

Михаил снова напросился к Урманскому. Профессор долго смотрел в экран ноутбука, на котором светилась свежая схема маршрута экспедиции Дмитриева. Яркая, красная точка мигающе высвечивала место стоянки лагеря.

– А где это на Граматухе? – уточнил профессор. – Далеко от места находки Колодникова?
– Не очень, – отозвался Дмитриев. – Хотя отец почему-то не захотел разбивать лагерь рядом с раскопками. Группа обосновалась где-то между археологической базой академика и ключом Джуркан.
– «Чистой водой».
– Совершенно верно.

Профессор несколько минут молчал. Они общались на кухне приглушёнными голосами, стараясь не разбудить жену профессора, шёл двенадцатый час ночи.

– Но при чём здесь Колодников? – Урманский кивнул на монитор. – Да, действительно, Иван Иннокентьевич совершил две археологические экспедиции на Граматуху и выше, к Норе. Это засвидетельствовано и в его дневниках. Но при чём здесь геологоразведывательная экспедиция вашего отца? Там археология, тут геология. Две разные науки. И потом: когда ваш папа пришёл работать в институт, Колодников уже был величина! Разный уровень! И потом, ещё один нюанс. Колодников числился от Академии наук при Хабаровском институте, наш же институт он только курировал. И был здесь наездами. Эпизодически. А потому ваш отец тем более не мог с ним сойтись. Я думаю, это простое совпадение.

– А если нет? – упрямо стоял на своём Михаил. – Если отец что-то узнал такое, о чём было известно Колодникову? Что, если отцу о находках историка рассказал, предположим, один из членов археологической экспедиции? Вот отец и решил воспользоваться моментом.

– В таком случае ваш батюшка был «черным археологом». То есть, иначе говоря, занимался преступной деятельностью. Вы хотите, чтобы о нём заговорили с этой стороны?

– Я хочу знать правду, – выдохнул гость. – Какой бы она ни была.
– И чем мне вам помочь?
– Вы сказали, у вдовы Колодникова сохранились дневники учёного. Я бы хотел с ними познакомиться. Мне бы подошёл и отсканированный материал.
– Бабушку в возрасте хотите заставить сканировать?
– Надеюсь, внуки или знакомые, владеющие компьютером, у неё есть? – Дмитриев кивнул на телефон. – Можете ей позвонить?
– Прямо сейчас?
– У меня нет иного выхода. Я уезжаю на Гилую. Поймите. Я бы ей дал свой электронный адрес...

Урманский скептически покачал головой:

– А не боитесь, что она вас пошлёт подальше?

– Нет, не боюсь, – улыбнулся Михаил. – Меня уже так часто все посылают, что привык. Александр Васильевич тяжело вздохнул, принялся искать номер в мобильном телефоне.
– Алла Николаевна, добрый вечер... Тут такое обстоятельство...

Дмитриев быстро облизал пересохшие губы: Урманский только что навёл его на мысль. Он-то исходил из того, будто отец познакомился с материалами Колодникова. А что, если всё было как раз наоборот?

– Включите громкую связь! – потребовал Михаил у профессора.

– Что? – не понял Урманский.

– Включите громкую связь! – с силой произнёс Дмитриев и кивнул на телефон.

Александр Васильевич осуждающе посмотрел на гостя, но просьбу таки выполнил.

– Саша? – В маленьком помещении стандартной кухни женский голос слышался чересчур громко, в нем явственно слышалось недовольство. – Что у вас там? Вы не один?

– Алла Николаевна, – Мишка прокашлялся, – простите за беспокойство. Это я попросил Александра Васильевича, чтобы он набрал вас. Мы не знакомы, но у меня к вам один очень важный вопрос. Скажите, ваш муж, Иван Иннокентьевич, был знаком с Дмитриевым Юрием? Геологом? Алла Николаевна, мне это очень важно знать! Я сын Дмитриева.

В кухне на некоторое время наступила оглушительная тишина. Только стрелки электронных часов, висящих на стене, прерывали её сухими щелчками. Наконец в трубке что-то зашепестело. После чего послышалось:

– Да, Ваня был знаком с вашим отцом!

– Только знаком или...?

Короткая пауза заставила затрепетать Мишкино сердце.

– Это Иван Иннокентьевич попросил Шабанова взять вашего отца преподавателем в институт.

* * *

– СЧХ, – Санатов снова выглянул в окно, убедился, что джип продолжал стоять на месте: в освещении от фонаря на столбе была видна его лакированная крыша, после чего продолжил в трубку: – У нас чужаки. Двое. В «ниссане». Вторые сутки торчат у подъезда. Пытались разговаривать Наташку. Нет, никаких активных действий не предпринимали. Что делают сейчас? – Сергей снова выглянул в окно, присмотрелся. – Курят. Ладно, утром сообщу что да как. Но будут ломиться, предупреждаю: двустволку я зарядил. Будь!

* * *

...логика буддизма следующим образом объясняет «исчезновение» склонной к монументализму цивилизации пью, ирригационными сооружениями которой население Мьянмы пользуется до сих пор. Оказывается, цивилизациям, как и людям, свойственен определенный срок жизни. Они также проходят в своем развитии этапы рождения, становления, расцвета, увядания и упадка. По учению Будды, нет ничего устоявшегося в мире. Все подвержено изменениям. И, как гласит бирманская мудрость, «есть время красоваться шпилем на дворцовой башне и время быть низвергнутым на землю»...

Народ. Ру, Сергей Петров «Интересная газета»

* * *

– Я помню, как ваш отец и Ваня часто встречались в нашей квартире, – послышалось из телефонной трубки. – Закрывались на кухне и долго, до утра беседовали. Иногда спорили.

– А в дневниках профессора отмечен данный факт?

– На тех страницах, что не изъяты Академией наук, ничего нет. Впрочем, если не верите, можете с ними познакомиться сами. Только в моём присутствии.

Дмитриев бросил взгляд на Урманского: такого поворота событий он не ожидал. Если поехать к вдове учёного, а встретиться с ней нужно обязательно, то тогда накрывалась поездка на Гилую. А там, в тайге, Санатову без него делать нечего.

Александр Васильевич всё понял. И хоть это ему не понравилось, тем не менее произнёс:

– Алла Николаевна, как вы посмотрите на то, если вместо нашего нового знакомого приеду я, а он с вами позже встретится? – Урманский с трудом подавил тяжёлый вздох. – Заодно рассмотрим новую статью для «Амура».

– Сашенька, вы же знаете, я всегда рада вас видеть.

– Вот и замечательно! Тогда завтра выезжаю, послезавтра буду. – Урманский постучал по телефону ногтем. – Помню, Алла Николаевна, помню. «Ананасные» конфеты нашей фабрики «Зея», пару килограммов. Как обычно! Обнимаю!

Александр Васильевич нажал отбой. Михаил тем временем что-то черкнул на клочке бумаги, после чего протянул написанное хозяину дома:

– Адрес моей электронной почты. Постарайтесь отсканировать, что найдёте любопытного, и выслать мне. Думаю, на Гилую пригодится любая информация.

Урманский спрятал бумажку во внутренний карман сорочки:

– Господи, и откуда вы свалились на мою голову?

– Простите. Я...

– Теперь что уж... В следующий раз буду думать, что издавать в альманахе, а что – нет.

* * *

– Прослушка дала первые результаты. Щетинин вышел на Гаджу. В Южно-Сахалинск сегодня вылетел сотрудник Благовещенского УВД, майор Рыбаков Александр Анатольевич. Близкий родственник «Профессора».

– Поднимите сахалинскую ветку. Рыбаков ни в коем случае не должен встретиться с Гаджой! Точка!

* * *

Щетинин долго стоял у распахнутого в жаркий, летний зной окна. Недокуренные сигареты одна за другой, сопровождаемые щелчком пальцев, улетали в ночь. Не спалось. И виной тому была не духота.

За долгие годы работы опером СЧХ приобрёл одно уникальное качество: предчувствовать неприятности. А подчас и опасность. Вот вроде как ничего ещё не предвидится, а внутри скребёт, трёт железной тёркой, как бы предупреждает: приготовься, скоро... Вот и сейчас невидимые тёрки подчищали грудную клетку подполковника. Последний разговор с Санатовым не выходил из головы. Джип во дворе, попытка сидящих в машине мужиков разговорить Наташку. Случайность? Или результат активной деятельности? Чьей?

Экспедиция пропала сорок лет назад. Ещё при советской власти. По идее актуальность дела за сроком давности давным-давно должна была свернуться, исчезнуть. Или есть другой вариант. Секретность сохранилась по каким-то им неведомым причинам. Но в таком случае она должна исходить либо от Министерства обороны, либо от «конторы». Третий вариант исключался, потому как горкомов и обкомов уже не было. Теперь вся власть перешла к «силовикам». А если так, почему ни «оборона», ни «мужики из безопасности» не хотят просто поставить милицию в известность? Вместо этого непонятные телодвижения в духе криминала. Неужели всё-таки дело в золоте? Родственники убийцы или сам убийца не хотят, чтобы старое дело всплыло. Предположим, занимают высокие посты либо на подходе к ним, а тут такой компромат намечается. Вот и засуетились. Ну, в таком случае СЧХ и карты в руки. Забыли

ребятки, на чьей территории находятся. Серёга её, то есть территорию, почти тридцать лет метил. И своё никому не отдаст.

Телефонный звонок отвлёл Щетинина от размышлений. Подполковник зевнул, подошёл к стационарному аппарату, поднял трубку.

– Слушаю.

– Это я, – Мишкин голос звучал возбуждённо, – только что от Урманского. Отец был лично знаком с Колодниковым. Мы связались с его женой. Мало того, она сообщила, что именно Колодников привёл отца в институт. Завтра Урманский едет в Хабаровск. Просмотреть дневники академика. Попробует их отсканировать и вышлет мне.

– Думаешь, причина не в золоте?

– Да. Скорее всего Колодников что-то нашёл, а вот разработать не смог. Не успел. Думаю, наши выводы правильны. Колодников поручил отцу довести дело до конца. По-дружески. Тот выступил с инициативой геологоразведывательной экспедиции и под её личиной занимался археологическими раскопками. То есть искал то, на что ему указал Колодников. Исследовать это он, естественно, не мог, но вот привезти находки академику...

– И всё-таки «чёрная археология». – СЧХ понял, что подразумевал Мишка. – Столкновение интересов на почве археологических исследований.

– Получается так.

– Бред.

– Почему?

– В СССР? Сомнительно.

– А что, разве в Союзе не было «чёрных копателей»? – вспыхнул на другом конце провода Дмитриев.

– Были, – подавив зевок, согласился Сергей. – И до чёртовой матери. На Чёрном море. В Крыму. На Балтике. А здесь что искать? Никакой мощной цивилизации в наших местах и в помине не было. Тайга. Болота.

– Китай под боком!

– И до Китая тысяча километров. Вспомни, что читал в статье про академика. – СЧХ снова закурил. – У нас тут какие-то мохи гуляли...

– Мохэ, – поправил Мишка. – И не какие-то. Я тут просмотрел в Сети: мощная народность, со своей иерархией, армией...

СЧХ глубоко затянулся.

– И что это могучее племя оставило после себя? Пирамиды? Амфоры? Города? Ни хрена, кроме могильников со свинячьими головами. Пастухи они и есть пастухи. Пусть и воинственные.

– Ты не прав...

– Может быть. Только вторую золотую пектораль мы у нас не найдём. Сколько бы ни бродили по тайге.

– Так что, отбрасываем эту версию?

– Зачем? Будем держать на заметке. На всякий случай. А вот то, что ты выяснил про Колодникова – это здорово. Скорее всего тот человек, что прислал стихотворение, был в своё время тоже связан с академиком. Ты не подумал о том, что след может тянуться оттуда? Подумай. Кстати, девочка с вами едет?

* * *

Не спал на другом конце города и профессор Урманский. Сразу после того как Дмитриев покинул квартиру, Александр Васильевич взял последний номер родного литературного детища и заново пересмотрел уже выученную наизусть вторую часть статьи академика Колод-

никова. И теперь в голове учёного бесплодно бился один вопрос: при чём здесь экспедиция? На неё в статье даже намёка не было. Почему этот настырный мужик решил, будто археологические исследования 1961 и 1968 годов связаны напрямую с пропажей Дмитриева и его людей? Ну разве, кроме того, что отец гостя, как выяснилось-таки, действительно оказался хорошим знакомым академика. Предположим, Колодников рассказывал Дмитриеву о некоей археологической находке. И что? Чем мог геолог помочь археологу? Ничем. Бродили по одним местам. Но с разными целями. А то, что дружили... Да мало ли кто с кем дружит!

Александр Васильевич выключил ночник, тихо покинул спальню, прошёл на кухню, достал из настенного пенала початую бутылку коньяка. Налил на палец в стакан и честно себе признался: ехать в Хабаровск не хотелось. Но слово не воробей... Теперь Александр Васильевич ругал себя последними словами за то, что поддался уговорам гостя. Самое неприятное заключалось в том, что придётся объясняться с женой, почему он вдруг решил уехать на несколько дней. А всё проклятое любопытство. Чтоб его...

* * *

– Урманский выезжает в Хабаровск. Знакомиться с дневниками Колодникова. Хабаровская ветка ждёт команду.

– Вдову Колодникова не трогать. Выясните, где находятся дневники, и уничтожьте их. Лучшие всего – имитация ограбления. Если не получится – пожар. Повторяю: вдову не трогать!

* * *

Ученые из Южно-Тирольского археологического музея в Италии воссоздали лицо и внешний облик знаменитого альпийского «ледяного человека» Отци (Oetzi), тело которого сохранилось в леднике более пяти тысяч лет.

«Ледяной человек» был найден в Альпах на границе Италии и Австрии в 1991 году. Первоначально считалось, что это погибший альпинист, однако затем выяснилось, что этому мумифицированному телу более пяти тысяч лет – останки Отци были датированы периодом с 3365 года по 3118 год до нашей эры. Приглашенные музеем голландские специалисты, братья Адри и Альфонс Кеннисы, которые ранее воссоздавали облик неандертальцев, с помощью компьютерной томографии получили трехмерное изображение тела Отци, а затем восстановили его лицо и фигуру.

«Ледяной человек» оказался мужчиной средних лет с грубой, морщинистой кожей, глубоко посаженными глазами и бородой. Ранее считалось, что у него были голубые глаза, но последние исследования показали: глаза «ледяного человека» карие. Ученым удалось прочесть генетический код «тирольского ледяного человека». Предварительный анализ показал, что он принадлежал к так называемой субгруппе K1. Около 8 % современных европейцев принадлежат к гаплогруппе K, которая делится на субгруппы K1 и K2. K1, в свою очередь, делится на три кластера. Оказалось, геном «ледяного человека» не подходит ни к одному из трех известных кластеров K1. На данный момент это означает, что никто не может объявить себя потомком Отци...

РИА «Новости», 28.02.2012.

Часть вторая

Южно-Сахалинск, Благовещенск, Хабаровск, Зей

Щетинин позвонил Санатову.

– Серый, выгляни в окно: стоят ребятки или нет? Стоят?.. Окей, через пять минут буду. Он всем телом развернулся в своем джипе назад, к старшему лейтенанту Сердюкову.

– Сейчас выйдешь. Интересующий нас внедорожник «ниссан» припаркован возле последнего дома. Фотографируй всё. Номера машины, сидящих внутри, внешний вид... Действуй нагло. Если на тебя полезут – бурей в ответ. Дойдёт дело до кулаков – жми на кнопку срочного вызова. Донченко с мужиками уже здесь.

– А почему сразу не задержать?

– Какой умный! – тряхнул головой СЧХ. – И что ты им предъявишь? Ночёвку в машине? Вылазь!

– Так я не понял: мне что, специально их открыто фотографировать, чтобы спровоцировать?

СЧХ тяжело вздохнул: эх, молодёжь!..

– Мне нужны их противозаконные действия против твоей персоны.

– Так ведь могут очки разбить...

– Для того я тебя к ним и посылаю, интеллигент ты наш. Всё понятно?

– Да.

– Тогда что сидим?..

* * *

Найти место передислокации бывшего следователя Благовещенского УВД оказалось делом простым и нехитрым. Достаточно было обратиться в ближайший адресный стол на первом этаже гостиничного комплекса, предъявить удостоверение сотрудника милиции – и заветная бумажка с указанием, как проехать к дому пенсионера Гаджи, легла в нагрудный карман следователя.

На звонок в дверь никто не отозвался. Рыбаков задумчиво потёр кончик носа. Чёрт бы побрал этого бывшего следователя! Таскается непонятно где в десять утра. Нет чтобы сидеть, как положено нормальному пенсионеру, перед телевизором, так ведь нет... Майор посмотрел по сторонам. На лестничной площадке находилось ещё две двери. Может, соседи знают, где старик?

Рыбаков нажал на кнопку звонка соседней квартиры. Дверь тут же отворилась. Перед Сашкой стоял именно тот объект, на который он рассчитывал. Бабуля лет восьмидесяти, с бигудями в крашенных волосах и нескрываемым любопытством в глазах. Майор понял: с такой особой лучше не крутить, а сразу брать быка за рога. Санька вторично за утро достал удостоверение:

– Я к вашему соседу. С его бывшей работы. По поводу пенсии. – Слово «пенсия», по мнению Рыбакова, должно было магически повлиять на бабку. – Не подскажите, где его найти?

– А... – Любопытство в глазах старухи сразу пропало. Чужая пенсия её не интересовала. – Они с Дашкой час назад ушли на базар.

– Дашка – это...

– Патаскуха.

– Не понял?

– И понимать нечего, – бабулька вздёрнула остренький носик. – Из-за квартиры за него вышла. Курва! Любит она его... Ха! Метраж она любит!.. А у него сердце. Она-то про это знает, вот и таскает его повсюду за собой с утра до ночи. Сучка!

Дверь перед носом майора резко захлопнулась.

– А базар-то у вас где находится? – крикнул было Рыбаков, но его уже никто не слышал: дверь наглухо прилипла к дверной коробке.

* * *

Щетинин внимательно просмотрел документы задержанных. Оба оказались возрастом лет тридцати, спортивного телосложения, в легких летних костюмах. СЧХ отмечал детали. Стрижки короткие. Но скорее такую «причину» носят в армии, а не на зоне. Опять же, никаких наколок, одежда простая, невзрачная. Спокойны. Даже чересчур, наигранно. Не сопротивляются. Видимо, проинструктированы, как себя вести в подобного рода ситуации. Один улыбается. Передние зубы вставные. Видимо, родные были выбиты. У второго, кстати, тоже, а сам он как индийский Будда, сидит на скамеечке, скрестив перед грудью руки. «Контора», что ли?

– Так... Орликов Денис Борисович. – СЧХ поднял взгляд на улыбающегося. – Из Тынды. Нормально... И что мы здесь делаем, товарищ с БАМа?

– Приехали к другу, – улыбка и не думала исчезать с лица молодого человека. – А его не оказалось дома. Вот ждём.

– К кому?

– Лескову Никите. Из восьмьдесят седьмой квартиры.

Щетинин посмотрел на участкового. Тот утвердительно кивнул головой.

– Есть такой. Проживает. Точнее, проживал. Неделю назад посадили. За кражу.

– Как «посадили»? – наигранно вскинул брови улыбчивый. – А нам никто не сказал. Представляешь, – он обернулся к товарищу, – он уже на нарах парится, а мы тут торчим!

– Зачем вам Лесков? – СЧХ принялся рассматривать паспорт второго мужика из джипа.

– Денег должен. Взял в долг, а вернуть не захотел.

– Командир, – наконец подал голос «будда», – ошибочка вышла. Понимаем – виноваты. Решили, наш должник тут в игрушки играет. Вот и накинулись на твоего человечка. Приносим извинения. Если надо: принесём материально.

– «Материально» будет не по закону.

– Так ведь чуть пенсне молодому человеку не разбили.

– Но ведь не разбили? А «чуть» не считается.

СЧХ ещё раз просмотрел паспорта. Всё в полном порядке. Документы на машину в норме. «Думай, Серёга, думай. Можно, конечно, задержать на сутки, а что дальше? Сердюкова они даже толком помять не успели. Тот слишком рано подал сигнал тревоги. Так что с этой стороны ничего не светит. Прижать?.. Пустой номер. Со своей позиции они не сойдут. Ну, прокачаем Лескова. Тот скажет, мол, никому не должен. А эти будут стоять на своём. И кому верить?.. Опять же, они ничего противозаконного не совершили. Джип обыскали – пусто. Даже перочинного ножа не нашли. Всё равно придётся отпустить. А если не врут?.. Но что-то в этих мужиках не так. За что зацепилось внимание?.. Ведь вот только что цепануло...»

– Так как, командир, едем с вами? Или можем быть свободны? – «Будда» смотрел Щетинину в переносицу, а создавалось впечатление, что в глаза.

Специальный приём. Так легче говорить ложь.

– Так как? Едем?..

– Зачем? – СЧХ вернул паспорта и удостоверение водителя. – Можете быть свободны. Только покиньте территорию. Вашего Лескова здесь нет. А пугать местное население не советую. Хорошо, что нас вызвали. А могли и сами разобраться.

«Будда» взял документы и, более не сказав ни слова, направился к джипу. Улыбчивый напарник последовал за ним, но перед тем как сесть в авто, кивнул головой подполковнику:

– Будьте здоровы!

СЧХ проводил долгим взглядом тяжёлую машину, которая довольно легко развернулась и рванула с места, быстро набирая скорость, после чего повернулся к руководителю оперативников, капитану Донченко:

– Лёха, организуй за ними слежку. Только направо толковых ребят.

– Зачем? Я установил «маячок». Так надёжнее. Да и наши не будут светиться.

– Как догадался? – СЧХ не смог скрыть удивления.

– Тёмные ребята, – принялся обосновывать свои действия капитан. – Не криминал. А то, что они частенько находятся в контакте с огнестрельным оружием, заметил?

– Указательные пальцы... – СЧХ в голос выматерился.

Вот то, что отметило подсознание! Едва заметные пятнышки мозолей от постоянного прикосновения к курку.

– И не только. – Донченко расстегнул ворот рубашки. – Мужики прошли отличную психологическую подготовку. Среди «братков» таких нет. Те таких сами боятся. Может, я и ошибаюсь, но кажется, мы нарвались на «контору».

– А на кой ляд тогда установил «маячок»?

– А если ошибаюсь?..

* * *

Рыбаков проторчал у подъезда с полчаса. После чего решил поступить иначе. «Ничего страшного не будет в том, – решил он, – если возьму „мотор“, мотнусь в Троицкое, в родную войсковую, а через пару часиков вернусь. В конце концов, кто его знает, сколько старик будет ходить со своей... Дашкой. Но к обеду-то они должны вернуться? Должны. Вот тогда мы к ним и нагрянем. Всё одно самолёт в семь вечера. Уж за четыре-то часа я его обработаю».

С последней мыслью Сашка поднялся со скамейки и направился к стоящему невдалеке такси.

* * *

СЧХ вместе с Сердюковым поднялись по лестнице на пятый этаж. Щетинин с силой нажал на кнопку звонка, после чего грохнул кулаком в дверь:

– Сова, открывай, медведь пришёл!

Дверь распахнулась. Санатов выскочил из квартиры в шортах, майке, небритый и со всклокоченными волосами.

– У тебя с головой всё в порядке?

– А нечего дрыхнуть до обеда, когда вся страна в поте лица вкалывает. – СЧХ мотнул головой лейтенанту, приглашая того в чужой дом, и первым прошёл в квартиру. – Наташка дома?

– Спит, – недовольно буркнул Сергей. – До утра сидела в Инете.

– Буди.

– На кой?

– На той! Много текста. Буди!

Санатов хорошо знал старого друга. А потому, глядя на хмурую физиономию СЧХ, понял: тому не до шуток. Стряслось нечто серьёзное.

Через пару минут сонная девушка выползла из своей комнаты.

– Привет, красавица. Где комп?

– У отца.

– Пошли.

Санатов включил машину, после чего Сердюков, искоса наблюдая за девушкой, быстро присоединил фотоаппарат к компьютеру.

– Наталья, – СЧХ открыл нужный файл, притянул за руку девушку к себе, – смотри, эти парни вчера вечером с тобой разговаривали?

– Нет.

– Точно?

Наташка снова стрельнула в Сердюкова взглядом.

– Точно. Те были постарше. У одного на щеке маленький шрам. А у второго, который со мной разговаривал, раздвоенный подбородок. И залысины.

– Дрянь дело!

СЧХ кивнул лейтенанту головой, чтобы тот сворачивался, и поманил Санатова за собой на кухню.

– Серый, – он закрыл за Сергеем дверь, – вас действительно пасут.

– Кто?

– Откуда я знаю? Вернусь в управление, прокачаю снимки. Может, что и найду, только сомнительно. Ребятки больно серьёзные. Ты на «хвост» никому не наступал?

– В смысле?

– Денег никому не должен?

– У меня со всеми заказчиками полный ажур. – Санатов попытался пригладить волосы на голове.

– Значит, всё-таки Мишкина активность, – сделал вывод СЧХ. – А я, признаться, ещё надеялся. Твою... – Кулак следователя с силой ударил по стене. – Вот что, тёзка. Никуда не надо ехать! Точнее, лучше всей семьёй слиняй куда-нибудь... Ты, помнится, говорил, у тебя родня в Питере? Вот туда и поезжайте. Недельки на две.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.